

INSPIRIA

BOOKER
PRIZE
2019

БЕРНАДИН ЭВАРИСТО

ДЕВУШКА,
ЖЕНЩИНА,
ИНАЯ

18+

Здесь звучат самые
универсальные человеческие
истории, которые
и превращают книгу в книгу,
а роман в роман, идущий
вровень с жизнью.

Анастасия Завозова

INSPIRIA

Loft. Букеровская коллекция

Бернадин Эваристо

Девушка, женщина, иная

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Эваристо Б.

Девушка, женщина, иная / Б. Эваристо — «Эксмо»,
2019 — (Loft. Букеровская коллекция)

ISBN 978-5-04-115908-5

Роман-лауреат Букеровской премии 2019 года, который разделил победу с «Заветами» Маргарет Этвуд. Полная жизни и бурлящей энергии, эта книга – гимн современной Британии и всем чернокожим женщинам! «Девушка, женщина, иная» — это полифония голосов двенадцати очень разных чернокожих британок, чьи жизни оказываются ближе, чем можно было бы предположить. Их истории переплетаются сквозь годы, перед взором читателя проходит череда их друзей, любовников и родных. Их образы с каждой страницей обретают выпуклость и полноту, делая заметными и важными жизни, о которых мы привыкли не думать. «Эваристо с большой чувствительностью пишет о том, как мы растим своих детей, как строим карьеру, как скорбим и как любим». — Financial Time

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-115908-5

© Эваристо Б., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава первая	6
Амма	6
1	6
2	13
3	18
4	24
5	25
Язз	28
1	28
2	32
3	38
4	41
Доминик	45
1	45
2	48
3	49
4	54
5	55
6	57
7	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Бернадин Эваристо

Девушка, женщина, иная

Bernardine Evaristo

GIRL, WOMAN, OTHER

Copyright © Bernardine Evaristo, 2019

This edition is published by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd. and The Van Lear Agency LLC

© Таск С., перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава первая

Амма

1

Амма

идет по променаду вдоль фарватера, разрезающего ее город, мимо медленно проплывают утренние баржи

слева пешеходный мостик в морском стиле, прогулочная дорожка похожа на палубу, а пилоны на мачты

справа изгиб реки, уходящей на восток мимо моста Ватерлоо в сторону купола собора Святого Павла

забрел рассвет, и еще гуляет ветерок, но скоро город задохнется от жары и испарений
впереди на променаде скрипач играет что-то в меру благодушное

вечером в Национальном театре у Аммы премьера «Последней амазонки из Дагомеи»

* * *

она вспоминает, с чего началась ее театральная карьера

она и ее тогдашняя подружка Доминик прославились тем, что устраивали шоу, оскорблявшие политические вкусы зрителей

актеры натренированными голосами что-то выкрикивали за их спинами и исчезали

они верили в публичный протест, взрывоопасный и откровенно вызывающий для оппонентов

помнится, она вылила кружку пива на голову режиссеру, у которого полуголые черные женщины бегали по сцене, как идиотки

и дала деру в темные переулки Хаммерсмита

с воплями

маргинал Амма десятилетиями закидывала ручными гранатами истеблишмент, который ее отверг

пока мейнстрим не начал воспринимать то, что ранее казалось радикальным, и у нее не появилась надежда найти в нем свое место

случилось это, лишь когда три года назад Национальный театр впервые возглавила женщина-худрук

после бесконечных вежливых отказов от ее предшественников однажды утром в понедельник сразу после завтрака, когда впереди не маячило ничего, кроме теледрам в интернете, раздался звонок

мне понравилась пьеса, хотим ее поставить, не хотите выступить заодно и режиссером?
я понимаю, что свалилась как снег на голову, но, может, выберетесь к нам на чашечку кофе на неделе?

приближаясь к серому холодному арт-комплексу в стиле брутализма, Амма делает глоток американо с привычной добавкой кое-чего покрепче

по крайней мере в наши дни как-то пытаются оживить эти похожие на бункеры бетонные строения неоновыми лампочками, а сам арт-комплекс заслужил репутацию скорее прогрессивного, чем традиционалистского

в тот приснопамятный день она ожидала, что едва переступит порог, как ее выгонят враз, это было время, когда в театр приходили во всем блеске

а на людей в трапезе смотрели с осуждением

сегодня она ждет на свою пьесу любознательных зрителей, а в чем они придут, ей до фени, сама одета в стиле «идите лесом», хотя с годами ее прикид претерпел изменения, что правда, то правда: ушли вечные джинсовые брюки, берет Че Гевары, палестинский шарфик на шее и неперменный значок с двумя соединившимися женскими символами (эта девушка ничего не скрывает)

теперь она зимой носит серебристые или позолоченные кроссовки, а летом безотказную обувь от «Биркин»

зимой – черные слаксы, мешковатые или в обтяжку в зависимости от того, какой у нее в данный момент размер, двенадцатый или четырнадцатый, и топ размером поменьше

летом – гаремные узорчатые шаровары под коленку

зимой – яркие асимметричные рубашки, джемперы, пиджаки, куртки

и круглый год – обесцвеченные короткие дреды, торчащие, как свечи на именинном торте в ушах большие серебряные серьги, массивные африканские браслеты, розовая помада ее неувядаемый особый почерк

Язз

недавно высказавшаяся о ее стиле, – мам, так выглядят сумасшедшие старухи, – уговаривает ее закупаться в «Марксе и Спенсере», как все нормальные матери, и делает вид, что она не имеет к ней никакого отношения, когда они идут по улице вместе

Язз отлично знает, что Амма никогда не будет нормальной, тем более ей всего пятьдесят с гаком, еще не старая, хотя попробуйте это объяснить девятнадцатилетней, но в любом случае старение – это не то, чего надо стесняться

тем более, когда все человечество состарилось

хотя иногда складывается впечатление, что среди своих друзей она одна готова отмечать приход старости

это ведь большая удача – не умереть досрочно, – говорит она им, пока ночь сгущается вокруг кухонного стола в ее уютном домике с верандой в районе Брикстона

все наворачивают принесенную ими еду: тушеный турецкий горошек, цыпленок в ямайском маринаде, греческий салат, карри из чечевицы, жареные овощи, марокканский ягненок, рис с шафраном, салат из свеклы и листовой капусты, африканский рис с лебедой и паста без растительного белка для особо раздражающих приверед

все подливают себе вина, водочки (меньше калорий) или чего-то безвредного для печени, как прописал врач

она ждет одобрений, дескать, бросает вызов модному брюзжанию по поводу надвигающейся старости, но вместо этого встречает озадаченные улыбки и недоуменные вопросы: а как насчет обострения артрита, потери памяти и приливов горячего пота, сопровождающих менопаузу?

Амма проходит мимо юной уличной музыкантши

она одаривает девушку ободряющей улыбкой, которая отвечает тем же

она выуживает несколько монет и кладет их в раскрытый футляр от скрипки

пока не готовая отказаться от курева, она облакачивается на парапет и зажигает сигаретку, ненавидя себя за это

в юности реклама объясняла ее поколению, что с сигаретой в зубах они будут выглядеть взрослыми, гламурными, могущественными, умными, желанными и, главное, классными и никто им не сказал, что это их погубит

она смотрит на реку, чувствуя, как теплый дымок спускается в пищевод и успокаивает нервы в споре с выбросом адреналина, чему поспособствовал кофеин

сорок лет театральных премьер, и она все еще держится

что, если ее заклюют критики? отвергнут консенсусом третьестепенных рецензий? о чем только думал великий Национальный театр, распахивая дверь перед никчемной самозванкой?

самозванка, ха, а кто написал пятнадцать пьес и поставил больше сорока; как сказал о ней один критик, Амма Бонсу – надежный партнер, умеющий брать на себя риски

что, если зрители, принявшие спектакль на предпремьерном показе стоячей овацией, сделали это по доброте душевной?

слушай, Амма, заткнись, ты же бой-баба со стажем, забыла?

смотри

у тебя фантастический кастинг: шесть старых актрис (прожженные ветераны), шесть делающих карьеру (пока скорее борются за выживание) и три начинающих (наивные претендентки), одна из которых, талантливая Симона, ходила на репетициях с глазами на мокром месте, так как дома не выключила утюг, или оставила работающей плиту, или забыла закрыть окно в спальне, и тратила драгоценное время на панические звонки сожительницам

каких-то пару месяцев назад она бы продала в рабство родную бабушку, чтобы заполучить такое приглашение, и вот уже ведет себя, как испорченная примадонна, не так давно приказала своему помрежу, когда они остались в репетиционной комнате вдвоем, принести ей латте с карамелью

как я устала, сорвалась на фальцет Симона, намекая на то, что Амма ее совсем заездила надо ли добавлять, что она сразу поставила крошку Симону на место

крошку Симону Стивенсон, полагавшую, что если ее сразу после драматической школы пригласили в Национальный театр, то завтра она покорит Голливуд

жизнь откроет ей глаза

и довольно скоро

в такие минуты Амме очень не хватает Доминик, которая давно отчалила в Америку

а могли бы вместе отметить звездный час ее карьеры

они познакомились в восьмидесятых на пробах художественного фильма, действие которого происходило в женской тюрьме (а в чем еще сниматься?)

обе были разочарованы, когда им предложили на выбор роль рабыни, служанки, проститутки, няньки или преступницы

и того не дали

они честили свою судьбу в голимой кафешке в Сохо, поедая жареное яйцо с беконом, засунутые между двумя кусками сырого белого хлеба, и запивая крепким чаем, а за окном занимались своим делом уличные проститутки

это было задолго до того, как Сохо превратится в модную колонию геев

ты на меня посмотри! – сказала Доминик, и Амма посмотрела – в ней не было ничего от служанки, мамы или преступницы

суперклассная, красотка, выше многих, стройнее многих, рельефные скулы, глаза с поволокой и густые темные ресницы, реально бросающие тени на лицо

вся в коже, короткостриженная, если не считать зачесанной набок черной бахромки, катается по городу на разбитом старом мотоцикле, который сейчас прикован цепью

они что, не видят живую богиню? – выкрикивает Доминик и, с вызывающим жестом прилизав свою черную бахромку, принимает знойную позу, и все головы поворачиваются в ее сторону

Амма была ниже ростом, с африканскими бедрами и ляжками
идеальная рабыня, сказал ей один режиссер, когда она пришла на пробы в пьесе о женской эмансипации

как пришла, так и ушла

а в случае с Доминик, когда та пришла попробоваться в викторианской драме, ассистент по кастингу сказал ей, что она напрасно тратит его время, поскольку тогда в Великобритании вообще не было черных

были, отрезала она, назвала его невеждой и удалилась

да еще хлопнула дверью

в лице Доминик Амма нашла родственную душу, и вместе они многим давали пинка под зад

а в результате оставались без работы

в тот день они перешли в местный паб, где продолжили разговор и еще добавили винишка

Доминик родилась в Бристоле, в районе Сент-Пол, от афро-гайанской матери Сесилии, потомка рабов, и индо-гайанского отца Уинтли, чьи предки были независимыми чернорабочими в Калькутте

она была старшей из десяти детей, выглядевших скорее чернокожими, чем азиатами, и таковыми себя считавших, тем более что их отец ассоциировал себя с афро-караибами, с которыми он вместе вырос, а не с индийцами, сравнительно недавно перебравшимися в Англию

Доминик еще в пубертатном возрасте смекнула о своих сексуальных предпочтениях, но мудро держала свои догадки при себе, не будучи уверенной, как ее друзья и семья на этоотреагируют, и не желая стать социальным изгоем

пару раз она попробовала с парнями

им понравилось

она терпела

в шестнадцать лет, мечтая о карьере актрисы, она приехала в Лондон, жители которого публично гордились тем, что они аутсайдеры

она спала на набережной под арками и на ступеньках магазинов на Стрэнде, а когда ей задавали вопросы в жилищной ассоциации для черных, она врала со слезами на глазах, что сбежала от отцовских побоев

инспектора по предоставлению муниципального жилья, уроженца Ямайки, это не впечатлило, ну бил тебя, и что?

тогда она повысила градус до сексуального насилия и получила спасительный угол в хостеле, а спустя полтора года, после недели слезных звонков в службу по квартирному обеспечению, она получила однокомнатную квартиру в небольшом квартале пятидесятых годов в Блумсбери

мне пришлось пойти на это, сказала она тогда Амме, да, не самый красивый поступок, но никто же не пострадал, мой отец никогда не узнает

она задалась целью просветиться по части «черной» истории, культуры, политики, феминизма и открыла для себя в Лондоне альтернативные книжные лавки

захаживала в магазин «Сестринская община» в Ислингтоне, где автором каждой книжки была женщина, и читала запоем; она не могла себе позволить ничего купить, поэтому одолела на ногах еженедельные выпуски «Домашних девочек: антологии черных феминисток», а также все произведения Одри Лорд, какие только попались ей на глаза

владельцы книжных лавок, похоже, не имели ничего против

когда меня, уже политизированную, приняли в совершенно традиционную драматическую школу, я там устраивала разборки по каждому поводу, Амма

единственная чернокожая во всей школе

она желала знать, почему мужские роли в шекспировских пьесах не могут исполняться женщинами, не говоря уже о межрасовом кастинге; она кричала на режиссера, а остальные студенты, включая девушек, помалкивали

я тогда поняла, что рассчитывать могу только на себя

* * *

на следующий день директриса отвела меня в сторонку

ты здесь как будущая актриса, а не политик

если будешь и дальше мутить воду, тебе придется уйти

считай, что тебя, Доминик, предупредили

ясное дело, вступила Амма: закрой рот или тебя вышвырнут

а мне боевой дух достался от отца Квабены, журналиста, выступавшего за независимость Ганы

в один прекрасный день он узнал, что его собираются арестовать за подстрекательство, тогда он быстро перебрался сюда и устроился рабочим на железной дороге, а с моей будущей матерью познакомился на станции «Лондонский мост»

он тогда уже работал контролером, а она в офисе над главным вестибюлем

он сделал все, чтобы проверить у нее билет, а она сделала все, чтобы покинуть вагон последней и перекинуться с ним несколькими словечками

моя мама Хелен, полукровка, родилась в Шотландии в тридцать пятом

ее отец, нигерийский студент, исчез, как только окончил Университет Абердина

даже не попрощался

спустя годы ее мать узнала, что он вернулся к жене и детям в Нигерии

она даже не подозревала, что у него есть семья

хотя мама была не единственной метиской в Абердине тридцатых и сороковых годов, ей одной из немногих дали это почувствовать

она бросила школу и поступила в колледж делопроизводства, а потом рванула в Лондон, туда как раз стали приезжать африканцы на учебу и на заработки

мама ходила на танцы и по клубам в Сохо, и мужчинам нравились ее более светлая кожа и распущенные волосы

она считала себя дурнушкой, пока африканцы ее не переубедили

видела бы ты ее тогда

нечто среднее между Леной Хорн и Дороти Дандридж

та еще дурнушка

мама рассчитывала провести их первое свидание в кино, а после в своем любимом Африканском клубе здесь, в Сохо, она сделала достаточно намеков на то, что любит танцевать под хайлайф и западноафриканский джаз

вместо этого он ее повел на собрание социалистов в задней комнате паба «Слон и замок»

где мужики накачивались пивом и толковали о независимой политике

она старалась изображать интерес под впечатлением от его интеллекта

а на него, я полагаю, произвело впечатление ее молчаливое согласие

они поженились и переехали в Пекхэм
я была их последним ребенком и первой дочкой, пояснила Амма, выпуская сигаретный дым в насквозь прокуренной комнате
три моих старших брата стали юристами и врачом, они послушно следовали ожиданиям нашего отца, тогда как я не испытывала никакого давления
его интересовали только мое замужество и будущие внуки
он считал, что моя актерская карьера – это временное хобби, пока я не вышла замуж и не родила
наш папа социалист, верящий в то, что революция улучшит жизнь всего человечества буквально

я говорю маме, что она вышла за патриарха
а она мне: Амма, посмотри на это под другим углом: твой отец родился мальчиком в Гане двадцатых годов, а ты девочкой в Лондоне шестидесятых
ты это к чему?
ты не вправе ждать, что он тебя «поймает на лету», как ты любишь выражаться
я называю ее апологетом патриархии и в сговоре с системой, которая подавляет женщин
она мне: человек сложное существо
а я ей: давай без этого покровительственного тона

мама отработывала на службе восемь часов, воспитывала четырех детей, вела домашнее хозяйство и следила за тем, чтобы у патриарха был хороший ужин и чтобы каждое утро его ждала чистая выглаженная рубашка
а он тем временем спасал мир
его единственной обязанностью было принести для воскресного обеда мясо из лавки – этакое подобие охоты для жителя пригорода

сегодня, когда все дети разъехались, мама явно чувствует себя невестребованной и все свободное время убирается в доме или меняет декор
она никогда не жаловалась на судьбу и не спорила с отцом, что только говорит о ее угнетенном положении
как-то мама мне призналась, что в самом начале их отношений она попробовала подержать его за руку, но он резко высвободился со словами, что это все английские штучки, и больше она не пыталась
при этом он каждый год дарит ей на День святого Валентина самую слащавую открытку и обожает сентиментальную музыку кантри – воскресными вечерами сидит на кухне и слушает альбомы Джима Ривза и Чарли Прайда
в одной руке стаканчик с виски, а другой смахивает слезу

* * *

папа живет ради предвыборных кампаний, демонстраций, пикетирования парламента и распространения «Социалистического работника» на рынке в Льюисхэме
я выросла, слушая за ужином его проповеди о кознях капитализма и колониализма, а также о преимуществах социализма
кухонный стол был его амвоном, а мы его паствой или, скорее, заложниками
он нам насильно скармливал свои политические взгляды

если бы он вернулся в Гану после обретения ею независимости, то мог бы там достичь известных высот

а так стал пожизненным президентом нашего семейства

он знать не знает, что я лесбиянка, не дай бог! мама не велела ему говорить, я ей-то с трудом призналась, хотя она начала что-то такое подозревать, когда писком моды были юбки в обтяжку и завитой перманент, а я носила мужские джинсы «Ливайс»

она считает, что у меня такой период и к сорока я эту блажь выкину из головы

отец «голубеньких» на дух не выносит и похохатывает над гомофобными шуточками, которыми комедианты потчуют зрителей по телику каждый воскресный вечер, когда не издеваются над тещами и чернокожими

Амма рассказала, как она первый раз пошла на собрание чернокожих женщин в Брикстоне, когда еще училась в школе, в последнем классе, увидела объявление в местной библиотеке

дверь ей открыла Элейн – великолепный афронимб, стройные ноги, обтянутые голубыми джинсами, и такая же облегающая джинсовая рубашка

Амма захотела ее, как только увидела, и прошла за ней в комнату, где женщины сидели на диванах, стульях и подушках прямо на полу, скрестив ноги и потягивая кофе и сидр

она села на пол, приткнувшись к изодранному кошачьими когтями затрапезному креслу, и, ощущая рукой теплую ногу Элейн, нервно принимала зажженные сигареты, ходившие по кругу

она слушала дебаты – что значит быть чернокожей женщиной

что значит быть феминисткой в стране, где организации белых феминисток дают тебе понять, что ты здесь нежеланна

что ты испытываешь, когда слышишь «ниггер» или когда тебя избивает бандюган-расист как относиться к тому, что белые мужчины пропускают вперед и уступают в общественном транспорте место белой женщине (признак сексизма), но не черной (признак расизма)

Амме этот опыт был хорошо знаком, и она вместе со всеми покрикивала: «Мы тебя услышали, сестра!» и «Мы тоже через это проходили, сестра!»

было такое ощущение, что она пришла с мороза в теплую комнату

в конце первого вечера, когда все откланялись, Амма сказала, что готова задержаться и помочь Элейн перемыть все чашки и пепельницы

они предались любви на продавленном диване в сиянии уличных фонарей и под аккомпанемент полицейской сирены

так хорошо ей бывало, только когда она сама себя ублажала

такое возвращение домой

когда она в следующий раз пришла на собрание

Элейн терлась с другой женщиной

а ее не видела в упор

больше она туда не ходила

Амма и Доминик опустошили не один бокал красного вина, пока их не выставили из заведения

они решили основать собственную театральную компанию, чтобы их актерская карьера состоялась, ибо ни та ни другая не собирались ради приглашения на работу приносить в жертву свои политические взгляды

или просто сидеть и помалкивать
вот же самый очевидный путь вперед
они набросали варианты на толстой туалетной бумаге, прихваченной в уборной
лучше всего их цели отражало название – театральная компания «Женщины из буша»
в театре, где царит молчание, зазвучат их голоса
там будут рассказываться истории о чернокожих и азиатских женщинах
они создадут театр по собственным законам
это стало девизом их компании
«по нашим законам
или ни под каким видом»

2

Жилые помещения превратились в репетиционные комнаты, старые колымаги перевозили реквизит, костюмы покупали в магазинах секонд-хенд, декорации строили из мебели, выброшенной на помойку, приглашали подруг в помощницы, всему учились на ходу, вместе ловили удачу

заявки на гранты печатали на старенькой пишущей машинке с отсутствующими клавишами, для Аммы бюджет казался чем-то вроде квантовой физики, сама мысль о том, что она будет прикована к рабочему столу, приводила ее в ужас

всякий раз, когда она опаздывала на административные совещания и уходила раньше времени, ссылаясь на головную боль или месячные, это сильно удручало Доминик

дело кончилось выяснением отношений, когда она вошла в канцтовары и тут же выбежала на улицу с жалобами на внезапную паническую атаку

она устраивала Доминик разносы, когда та не успевала написать обещанный сценарий, прогуляв полночи в клубе, или забывала свои реплики во время шоу

полгода после основания компании они постоянно ругались, будучи друзьями
и уже начинали догадываться, что не могут вместе работать

Амма назначила у себя решающее объяснение

за вином и заказанной китайской едой Доминик призналась, что получает больше удовольствия от подготовки гастролей, чем от выхода перед зрителями, то есть ей больше нравится быть собой, чем примерять на себя чужие роли

Амма же призналась, что любит писать пьесы, ненавидит административную работу и не уверена, что она хороша как актриса: вспышки гнева выходят у нее отлично, но этим ее диапазон, похоже, ограничивается

в результате Доминик стала менеджером, а Амма худруком

они нанимали актрис, режиссеров, художников по костюмам и рабочих сцены, устраивали гастроли по стране, продолжавшиеся месяцами

их пьесы «Как важно быть женщиной», «Дезорганизованный брак», «Хитрые уловки» и мюзикл «УЖГ»¹ игрались во дворцах культуры и библиотеках, в экспериментальных театрах, на женских фестивалях и конференциях

они раздавали листовки зрителям, входившим и выходящим из театра, а по ночам нелегально развешивали постеры на рекламных щитах

о них начали писать в альтернативных массмедиа, они даже попробовали выпускать самиздатовский ежемесячный журнал «Женщины из буша»

---

¹ Увечья женских гениталий. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

но из-за низких продаж – и, если уж говорить всю правду, низкопробных статей – свет увидели всего два номера после громкого запуска проекта летним вечером в Сестринском писательском клубе

куда женщины приходили, чтобы выпить на халяву, а заодно потусить и поболтать

* * *

Амма подрабатывала в бургерной на площади Пикадилли
где продавала гамбургеры из переработанного картона, украшенного регидратированным лучком и резиновым сыром

и все это она съедала бесплатно во время обеденного перерыва, отчего на лице выступали красные пятна

регламентированный оранжевый нейлоновый костюм и шляпка превращали ее в обслугу, к которой посетители подкатывались с предложениями

в эти часы она не была той эффектной, артистичной и в высшей степени индивидуалистичной бунтаркой, какой являлась по своей сути

она бесплатно раздавала поджаристые пирожки с ароматизированными леденцами бежавшим из дома и снимавшим дешевое жилье парням, своим новым друзьям, работавшим рядом с железнодорожной станцией

ей в голову не могло прийти, что спустя годы она будет их хоронить
ребята не понимали, что небезопасный секс – это танцы со смертью
а кто тогда понимал?

ее домом была заброшенная фабрика в Дептфорде – бетонные стены, обваливающийся потолок и полчища крыс, неподвластных никаким ядам

позже она не раз переезжала в такие же грязные норы, пока не оказалась в самой желанной норке Лондона, в бывшем офисном квартале, чем-то напоминавшем советский, на задворках Кингз-Кросс

ей повезло: она узнала о нем раньше, чем туда нахлынули желающие

там она жила на верхнем этаже, пока в один прекрасный день судебный пристав не велел подогнать к главному входу гидравлический экскаватор

за этим последовали буйные ответные меры и тюремные сроки для головорезов, посчитавших, что судебному приставу хорошо бы надавать по заднице

они окрестили это «битвой за Кингз-Кросс»

а само здание получило известность как Свободомия

им всем повезло, так как владелец, некто Джек Станифорт, проживающий в свободном от налогов Монте-Карло и получающий доходы от семейного бизнеса – производства столовых приборов в Шеффилде, проникся симпатией к жильцам, когда до него дошли новости от его компании по недвижимости

в свое время он служил в интербригаде, принимавшей участие в гражданской войне в Испании

плохое вложение капитала в здание, расположенное в одном из самых убогих районов Лондона, можно было проигнорировать как ненужное примечание к его доходным статьям

если жильцы будут содержать дом в приличном состоянии, то они могут там проживать бесплатно

написал он

жильцы прекратили нелегально подключаться к электросетям и открыли официальный городской счет

то же самое с газом, который до сих пор шел после брошенной в автомат пятидесятипенсовой монетки

понадобилась система управления, и однажды субботним утром жильцы собрались в вестибюле для обсуждения повестки

марксисты потребовали учреждения центрального комитета Рабочей республики Свободомия, что Амма сочла перебором, их «принципиальное противостояние правящей клике капиталистов» выглядело в ее глазах просто как отговорка, чтобы не работать

хиппи предложили создать коммуну для общего распределения, но они демонстрировали такой пофигизм и расслабуху, что остальные их легко перекричали

защитники окружающей среды желали запрета аэрозолей, пластиковых пакетов и дезодорантов, что обратило против них большинство, даже панков, которые, казалось бы, не нюхали мятные пары

вегетарианцы потребовали полного запрета мяса, веганы пошли еще дальше – никаких молочных продуктов, макробиотики предложили, чтобы все ели на завтрак парную белокочанную капусту

растаманы желали легализации каннабиса и зарезервированной за ними площадки за домом для сборищ Ньябинги²

последователи Хари Кришны призывали всех в тот день присоединиться к ним и пройти с барабанами по Оксфорд-стрит

панки требовали разрешения исполнять громкую музыку, но на них должным образом прикрикнули

геи настаивали на включении антигомофобной статьи в конституцию Свободомии, на что последовал законный вопрос: какая еще конституция?

радикальные феминистки требовали в доме особого этажа «только для женщин» с самоуправлением

радикальные феминистки-лесбиянки желали отгородиться от просто радикальных феминисток и тоже с самоуправлением

черные радикальные феминистки-лесбиянки желали того же, но с оговоркой: белым обо его пола вход запрещен

анархисты покинули заседание, поскольку любая форма правления являлась предательством того, во что они верили

Амма предпочитала выступать соло и объединяться с теми, кто не пытался навязывать свою волю окружающим

в конце концов, был сформирован сменяемый комитет управления, который установил правила, запрещающие торговлю наркотиками, сексуальное насилие и голосование за тори

площадку за домом отвели под общедоступное пространство, украшенное скульптурами из металлолома

их сделали свои же художники

* * *

Амма сумела наложить лапу на бывшее машбюро, такое большое, что там можно было устраивать пробежки

---

² Растафарианство – религиозное движение, основанное на любви к ближнему и отказе от образа жизни западного общества, которое растаманы считают «Вавилоном». Название происходит от имени последнего императора Эфиопии Хайле Селассие I, урожденного принца Рас Тафари. Растаманы называют его воплощением бога Джа. Одной из трех «обителей растафари» является Ньябинги.

с собственным туалетом и раковиной, которые она поддерживала в девственной чистоте и обдавала цветочными дезодорантами

стены и потолок она выкрасила впечатляющей краской цвета крови, отодрала корпоративно-серый ковролин и бросила на деревянный пол несколько ковриков из пальмовых волокон, завезла подержанную кухонную плиту, холодильник, пуфы, наполненные полистиролом, и диван-кровать со съемным матрасом, а ванную переоборудовала с помощью всякого утиля со свалки

в огромной гостиной можно было устраивать вечеринки и уложить спать кучу гостей народ веселился в стиле диско под виниловые записи Донны Саммер, Сестрицы Следж, Минни Рипертон и Чаки Хан

саундтреками для ее ночных совращений служили Роберта, Сара, Эдит, Этта и Матильда Сантинг

а происходили они за лакированной черной ширмой восемнадцатого века, которую она утащила с танцуплек перед старым китайским посольством

она заманила в постель многих женщин в Свобоdomии предпочитая роман на одну ночь, тогда как большинство желало продолжения она уже боялась сталкиваться в коридоре с бывшими жертвами вроде Марисы, переводчицы из Гваделупы

она могла стучать в дверь посреди ночи, умоляя ее впустить, или прятаться за дверью, чтобы устроить скандал той, которая оказалась на ее месте

дошло до того, что она стала осыпать ее проклятиями из окна, когда Амма приближалась к дому, а однажды и вовсе высыпала ей на голову овощные очистки из помойного ведра

это привело в ярость как защитников окружающей среды, так и управляющий комитет, приславший Амме письменное уведомление с требованием «прекратить загаживать порог собственного дома»

в ответ Амма написала: как же быстро люди, получившие даже небольшую власть, превращаются в *тоталитарных фашистов*

однако она усвоила урок и не могла пожаловаться на отсутствие внимания, перед театром «Женщины из буша» выстраивались целые очереди на прием к ней и Доминик

будущие актрисы – от подростков-лесбиянок до женщин, которые годились им в матери у меня никакой дискриминации, полное равноправие – культурное, классовое, мировоззренческое, расовое, религиозное и поколенческое, хвалилась Амма перед друзьями

и это, к счастью, открывало ей, в отличие от конкурентов, большие перспективы (о своем пристрастии к большим сиськам она старалась не распространяться, так как сексуальное выделение отдельных частей женского тела не красит феминистку)

Доминик была более избирательна и моногамна в этом деле, поставленном на поток: ее привлекали актрисы, обычно блондинки, чей микроскопический талант с лихвой перекрывала макроскопическая красота

или модели, чей талант, собственно, и сводился к внешности

оттягивались они в барах для женщин

«Падший ангел», «Ракетки», «Колокольчик», «Театральный манеж» для лесбиянок по понедельникам, а по пятницам, в Брикстоне, кабачок «Жемчужина», владелица которого, Пёрл³, ямайка средних лет, освободившая цокольный этаж от мебели и установившая там стереофоническую систему, взимала деньги на входе

---

³ Говорящее имя – Жемчужина.

Амма считала привязанность к одному человеку формой закабаления, не для того она вырвалась из семейной обители навстречу свободе и приключениям, чтобы подчиняться чужим желаниям

обычно женщины, с которыми она переспала больше двух-трех раз, превращались из независимо-прекрасных в безнадежно-зависимых

всего за одну неделю

она становилась их единственным источником счастья, и они начинали подавлять ее столь важную автономию

обиды, слезы, обвинения в эгоизме и бессердечии

Амма научилась отбиваться от любовниц, сразу обозначать границы и никогда не спать с женщиной больше двух раз, на худой конец трех

даже когда ей этого хотелось

секс был простым, невинным человеческим развлечением, и почти до сорока лет она вкушала его в изрядном количестве

сотня? сто пятьдесят? вряд ли больше

близкие подруги советовали ей обратиться за терапевтической помощью, чтобы немного уgomониться, на что она отвечала: да я практически девственница в сравнении с рок-звездами мужиками, у которых счет идет на тысячи, и это вызывает у их поклонников восхищение

их кто-нибудь посылал к психоаналитику?

досадно то, что парочка из ее бывших пассий недавно атаковали ее в соцсетях, где прошлое только и ждет своего часа, чтобы отвесить тебе оплеуху

так, одна женщина опубликовала пост, что Амма была ее первой возлюбленной тридцать пять лет назад, и, когда она узнала, что ее грубо бросают, ее стошнило прямо на Амму

для меня это была травма, от которой я до сих пор не могу прийти в себя, завывала бедняжка

другая, примерно в то же время, преследовала Амму на Риджент-стрит и кричала, что та не отвечает на ее телефонные звонки

а в Сети возмущалась: кого ты из себя изображаешь, претенциозная, показушная театралочка? да ты *никто*, пустое место

ты никак бросила принимать лекарства, дружок? прокричала тогда Амма ей в ответ, прежде чем скрыться от нее в подземных лабиринтах «Топшопа»

Амма давно потеряла интерес к сексу направо и налево, с годами она стала искать близости, которая зиждется на эмоциональной, хотя и необязательно одной-единственной, связи с другим человеком

не моногамные отношения – это мое... теперь, если верить Язз, их называют *полиамурные*... слово другое, а суть та же, вот что я тебе скажу, дитя мое

есть Долорес, художница-график в Брайтоне, и есть Джеки, врач-трудотерапевт в Хайгейте

они находятся в ее орбите уже семь лет и три года соответственно, обе независимые, с полноценной семейной жизнью (включая детей), что не мешает их интимным отношениям с Аммой

они за нее не цепляются, ни в чем не нуждаются, не ревнуют, под себя не подминают, и при этом всем хорошо друг с дружкой, поэтому да, время от времени они устраивают маленький менаж-а-труа

по случаю

(Язз пришла бы в ужас, если бы про это узнала)

Амма порой ностальгирует по молодости и вспоминает, как они с Доминик однажды совершили паломничество в легендарное заведение «Портал»
прятавшееся в подвале дома в Челси в последние годы своего полувекового существования

оно оказалось практически пустым, две немолодые женщины с мужскими стрижками и в мужских костюмах стояли возле барной стойки и казались персонажами из «Колодца одиночества»⁴

еще две миниатюрные старушки, одна в черном костюме, а другая в платье сороковых годов, щека к щеке танцевали на слабоосвещенной площадке под «Как выглядит любовь» в исполнении Дасти Спрингфилд

и никакого тебе вращающегося дискотечного зеркального шара на потолке, который бы их посыпал звездной пылью

3

Амма бросает кофейный стаканчик в урну и направляется в сторону театра мимо бетонной ограды, разукрашенной граффити, а за ней площадка для скейтбордистов

не рано ли начал этот молодняк совершать головокружительные прыжки и развороты без защитного шлема и наколенников?

безбашенные ребята

вот и Язз гоняет на велике без шлема

и скандалит всякий раз, когда мать ей говорит, что шлем проводит разделительную черту между

а) мигренью и

б) утратой речи

на служебном входе охранник Боб желает ей ни пуха ни пера, она петляет по коридорам, поднимается по лестнице и наконец выходит на сцену в глухом застенке

она обводит взглядом пустой зрительный зал в виде веера, построенный по принципу древнегреческого амфитеатра, позволяющего каждому наблюдать за действием безо всяких помех

вечером этот зал заполнит тысяча с лишним зрителей

столько людей придет на ее постановку – просто невероятно

еще не вышло ни одной рецензии, а уже билеты проданы почти на все спектакли

вот вам и запрос на новое слово

* * *

«Последняя амазонка из Дагомеи», написанная и поставленная Аммой Бонсу рассказывает о воительницах восемнадцатого и девятнадцатого веков, состоявших на службе у короля

женщинах, живших в королевских владениях и обеспеченных едой и служанками

когда они покидали дворец, впереди шла служанка и звонила в колокольчик, предупреждая мужчин, чтобы те отвернулись, иначе им грозит смерть

они были дворцовой охраной, потому что мужчинам доверять нельзя – могут отрубить королю голову или оскотить саблём, пока он спит

---

⁴ Лесбийский роман британской писательницы Рэдклифф Холл, опубликованный в 1928 году.

чтобы себя закалить, они на тренировках совершенно голые карабкались по колючим веткам акации

их в одиночку отправляли на девять дней в дикие джунгли, где они должны были как-то выжить

они без промаха стреляли из мушкета и могли запросто обезглавить врага и выпустить ему кишки

они давали отпор соседнему племени йоруба и французам, которые пришли, чтобы колонизировать эти земли

они превратились в шеститысячную армию и все официально считались женами короля
сексуальные отношения на стороне были им запрещены, и если они рожали младенца мужского пола, то его убивали на месте

впервые обо всем этом услышав, Амма подумала, что они должны были заниматься сексом друг с другом, а как иначе при половой сегрегации?

так родилась идея пьесы

последняя амазонка по имени Нави появляется на сцене, такая хрупкая девочка-подросток, ее представляют королю, и, поскольку она от него не понесла, ее изгоняют из царских покоев, и она вынуждена вступить в боевую гвардию; пройдя много испытаний, она поднимается по служебной лестнице благодаря физической закалке и хитроумным стратегическим решениям в боях и в конце концов становится легендарной амазонкой-генеральшей, наводящей ужас на иноземцев своей свирепостью и бесстрашием

Амма показывает, что Нави, даже охладев к своим многочисленным любовницам, сохраняет былую преданность, добивается, чтобы король поручал им легкую домашнюю работу, а не вышвыривал на улицу, где им грозит полная нищета

в финале старая и одинокая Нави соединяется со своими любовницами из прошлого, после чего они растворяются, как призраки, на наших глазах – в ход пошли голограммы

она снова переживает войны, принесшие ей славу, включая те, которые король сам спровоцировал, чтобы потом поставлять пленных для Америки, где уже отменили рабство, поэтому заокеанские корабли вынуждены обходить местную блокаду, а как иначе вести незаконный бизнес?

она гордится своими достижениями

видеопроекции разворачивают битвы, грозная армия амазонок теснит неприятеля с мушкетами и мачете наперевес

их воинственные крики волнами накатывают на зрителей

до мурашек по спине

финал

Нави умирает

свет медленно гаснет

полная темнота

вот бы Доминик прилетела на премьеру, думает Амма, она ведь была первой, кто прочел эту пьесу, написанную десять лет назад

десять лет ее никто не ставил, Амма посылала ее в разные театры и получала один ответ: это нам не подходит

а воскресить театр «Женщины из буша» ради того, чтобы поставить пьесу – нет, это невозможно

после отъезда Доминик за океан Амма осталась одна за штурвалом боевого корабля

несколько лет она его вела, чувствуя себя брошенной, не видя достойной замены подруге, которая всегда находила практические решения для реализации ее творческих идей
в конце концов, она распустила труппу
и стала фрилансером

Шерли

ее старейшая подруга придет сегодня на премьеру, она не пропускала ни одного спектакля, а вместе они еще со средней школы, когда им было по одиннадцать лет; Шерли, вторая смуглая девочка во всей школе, подошла к ней на детской площадке во время большой перемены, когда Амма стояла одна-одинешенька, а остальные в зеленой школьной форме весело галдели, прыгая через скакалки, играя в классики и в пятнашки

и вот перед ней стоит Шерли

идеальные прямые волосы, лицо блестит (от вазелина, как позже выяснила Амма), безумкоризненно повязанный школьный галстук, белые гольфы до колен

владеющая собой, такая аккуратная, такая хорошенькая

не то что Амма-растрепка, постоянно теребившая косички, которые мама заплетала ей каждое утро

со спущенными гольфами, потому что привыкла тереть одну ногу о другую

в великоватой на три размера школьной кофте, чтобы та ей послужила года три, как задумала мать

привет, я Шерли, хочешь, я буду твоей подругой?

Амма кивнула, и тогда Шерли взяла ее за руку и повела к группе, которую ради нее оставила и которая сейчас прыгала через веревочку

с тех пор они не разлучались, Шерли присматривала за ней в классе и помогала ей делать домашку

Шерли часами слушала ее рассказы о влюбленностях в мальчиков, а позже, после переходного бисексуального периода (Амма ненадолго увлеклась братьями своей подруги, Эрролом и Тони), о ее влюбленностях в девочек

Шерли ни разу не сказала худого слова о ее сексуальных предпочтениях, прикрывала ее, когда она пропускала уроки, и с интересом выслушивала байки про молодежный театр (косячки, обжималки, попойки, актерство) уже по окончании школы, когда их пути разошлись – одна выбрала преподавательскую карьеру, другая театральную, что не помешало их дружбе

даже когда в труппе заговорили о том, что таких простушек, как ее Шерли, свет не видывал, Амма встала на ее защиту

она хороший человек, таким был ее ответ

по ее просьбе Шерли безотказно сидела с маленькой Язз (Амма тоже один или два раза сидела с ее дочками)

Шерли всегда одалживала ей деньги, если Амме надо было расплатиться с долгами, и даже порой списывала их в качестве подарка на день рождения

их отношения можно было бы назвать односторонними, но в какой-то момент Амма себе сказала, что она делает безопасную и предсказуемую жизнь подруги более интересной и увлекательной

таков ее вклад

она думает о группе старых друзей или, как поправила бы ее Язз, *банды* (мам, какая «группа друзей», это из доисторического прошлого)

она с горечью вспоминает, какими они *были*, когда еще только искали себя, не имея ни малейшего представления о том, какими станут

они приходили на ее премьеры и всегда откликались на том конце провода (тогда ведь была *кабельная связь*, подумать только) на предложение зажечь в каком-нибудь ночном клубе они были готовы поучаствовать в жизненных драмах и добавить градус

Мейбел, фотограф-фрилансер, после тридцати вдруг сразу оказалась традиционной ориентации, послала подальше подружек-лесбиянок и вошла в роль едва ли не первой черной домохозяйки в центральных графствах Англии, носившей пиджаки «от Барбура» и ездившей верхом

Оливина прошла путь от актрисы, которую в Британии не приглашали ни на одну постановку из-за слишком темной кожи, до исполнительницы главных ролей в голливудских детективных сериалах и образа жизни звезды в особняке с видом на океан, а ее портреты печатались на разворотах глянцевого журнала

медсестра Катрина вернулась в Абердин, откуда она родом, стала заядлой англофилкой, вышла замуж за врача и перестала приезжать в Лондон

на премьеру сегодня придет саксофонистка Лакшми, раньше она сочиняла музыку для их совместных шоу, но потом решила, что нет ничего хуже, чем песня и красивая мелодия, нашла свою нишу в авангарде и начала исполнять то, что Амма про себя называет музыкой бинг-банг-бонг, которой обычно открывают чудные фестивали в сельскохозяйственных угодьях, где среди зрителей больше коров, чем людей

Лакшми изображает из себя невероятного гуру перед простодушными студентами музыкального колледжа

они собираются у ее домашнего очага и потягивают дешевый сидр из чайных чашек
а она сидит по-турецки на диване в развевающихся одеждах, с длинной копной, в которой серебрятся седые волосы

и вместо правильного гармонического ряда предлагает переходить к микротональным импровизациям, полиритмичным и мультифоническим приемам и эффектам

классическая композиция, мои дорогие, приказала долго жить, вещает она
поэтому я за музыку вне времени

хотя Лакшми уже под шестьдесят, ее любовники и любовницы находятся в диапазоне от 25 до 35 лет, а после этой возрастной планки отношения обрываются

когда Амма задала ей вопрос на эту тему, в ответе *не прозвучало*, что с годами они уже не так хороши собой, лица не такие свежие, кожа не такая гладкая

еще была Джорджи, единственная, кто не дожил до девяностых
ученица сантехника из Уэльса, родители из секты свидетелей Иеговы бросили ее, узнав, что она лесбиянка

а они взяли сиротку под свое крыло

единственная женщина в команде водопроводчиков, она постоянно выслушивала двусмысленные намеки и шуточки вроде «надо прочистить дырочку», «яйца вперед!» или «эх, сиськи-маськи»

а когда она наклонялась, чтобы прочистить трубу под раковиной, или заглядывала в канализационный люк, они рассуждали вслух, как бы хорошо сейчас пристроиться к ней сзади

Джорджи

выпивала в день два литра кока-колы, а по ночам смешивала с напитками покрепче и наркотой

в их группе она пользовалась наименьшим вниманием среди женщин и, как ни печально или глупо, считала, что одиночество – это ее крест

вечерние гулянки часто заканчивались ее слезами: я уродка, кому я нужна, а они ее утешали, что она хорошенькая; в глазах Амми она была скорее Артфулом Доджером, чем Оливером Твистом⁵

что в лесбийском мире не так уж плохо

Амма никогда не забудет их последнюю встречу, они сидели на обочине перед церковью, откуда выходили опьяненные службой прихожане, а ей пришлось засунуть палец подруге в рот, чтобы та выблевала принятые в туалете таблетки

впервые за все время их дружбы Амма открыто высказала недовольство: ты безнадежна, не уверена в себе, ведешь себя как ребенок, ты наркоманка, пора уже повзрослеть, Джорджи, ты меня слышишь?!

не прошло и недели, как она выбросилась с балкона верхнего этажа в Дептфорде, где тогда жила

по сей день Амма задается вопросом, как это произошло
оступилась (несчастный случай), бросилась вниз (самоубийство) или ее столкнули (маловероятно)

она до сих пор испытывает чувство вины и спрашивает себя, могла ли она это предотвратить

на премьеры всегда приходит Сильвестр, хотя бы ради халявной выпивки после спектакля

несколько дней назад он подловил ее у выхода из станции метро «Брикстон», когда она возвращалась домой после репетиции, и обвинил в том, что она продается

он уговорил ее выпить с ним в «Ритци», они сели наверху в баре, окруженные постерами независимых фильмов, на которые ходили вместе, еще будучи студентами драматической школы

«Розовые фламинго» с великой трансвеститкой Дивайн в главной роли, «Рожденные в огне», «Дочери пыли», «Прощай, моя наложница», «Страна ярости» Пратибхи Пармар и «Песни Хэндсворта», выпущенные студией «Черные аудиофильмы»

эти картины вдохновили ее как театрального режиссера на собственную эстетику

в чем она никогда не признавалась Сильвестру – пуристу, который бы просто обвинил ее в дурновкусии

так, она подсела на «Династию» и «Даллас» – оригинальные телесериалы и их более поздние реинкарнации

а еще на сериалы «Американская топ-модель», и «Миллионер-сводня», и «Большой брат», да мало ли...

Амма поозиралась на посетителей бара из тех, кто перебрался в Брикстон, когда тот кишел преступными элементами, зато был дешевым для проживания

это были ее люди, они пережили два бунта и гордились принадлежностью к мультирасовому кругу и благосклонным отношением к смешанным кровям; один из них, Сильвестр, совершил в этот район паломничество, чтобы посетить социально-культурный центр геев (как открылся, так вскоре и закрылся), где и познакомился с недавно приехавшим из Сент-Люсии Кёрвином, который станет его партнером по жизни

это была та еще пара

---

⁵ Говорящие имена диккенсовских персонажей: Артфул Доджер – «ловкий плут», Твист – «чудак».

Сильвестр, он же Сильви, был тогда красавцем-блондином, в восьмидесятые он носил платья и волосы ниже плеч

он бросал вызов обществу с его гендерными клише задолго до нынешнего тренда, вот почему он часто брюзжит: я был *первым*

Кёрвин, конопатый и слегка смуглый, мог появиться на публике в тюрбане, килте или ледерхозене⁶ и при этом хорошо покрашенный

в зависимости от настроения

чтобы бросить вызов

как он говорил

сейчас Сильвестр седой, лысеющий, бородатый и ходит исключительно в изношенном китайском рабочем комбинезоне

который, как он утверждает, непосредственно из Китая и куплен им через «eBay»

а Кёрвин носит ретроспецовку и рабочие джинсы

рядом с ними, за соседним столиком, сидели двое молодых парней, никак не вписывавшихся в общую атмосферу со своими офисными стрижками, гладко выбритыми щеками, щеголеватými костюмами и начищенными туфлями

Амма и Сильвестр переглянулись, они терпеть не могли незваных гостей, которые колонизировали их кварталы и царствовали в модных закусочных и барах, заменивших протяженный закрытый рынок, где прежде лоточники торговали рыбами-попугаями, ямсом, плодами аки, шотландскими шапочками, африканскими материями, голландскими горшочками, огромными нигерийскими улитками и маринованными зелеными яйцами из Китая

эти элитные рынки нанимали охрану, которая шугала местную публику попроще

и хотя она могла похвастаться почтовым индексом SW2 и SW9

трудно было скрыть тот факт, что в ее ДНК скрывались индексы SW1 и SW3

Сильвестр активно участвовал в кампании «Сохраним старый Брикстон»

и с годами его революционный запал не утратил силы

в чем, если вдуматься, нет ничего хорошего

Амма пила уже седьмую чашку кофе за сегодняшний день, в данном случае с вересковым медом, а Сильвестр тянул пиво из бутылки – только так, по его словам, должен пить пиво настоящий революционер

он по-прежнему возглавлял социалистическую театральную компанию «97 %», разъезжавшую по «труднодоступным городам и весям», что и *ей* не мешало бы делать

Амма, лучше бы ты показывала свои пьесы в домах культуры и библиотеках, чем буржуазным говнюкам в Национальном театре

она ответила, что когда последний раз играла спектакль в библиотеке, в зале в основном сидели бездомные, которые в лучшем случае просто спали, а то еще и храпели

это было пятнадцать лет назад, и с тех пор она поклялась: больше никогда

социоинклюзия важнее успеха, который правильнее было бы назвать *гнилостью*, заметил он, опустошая очередную бутылку, и все за ее счет (ты ж у нас сейчас богатенькая), и переубедить его (мне уже пора выйти на другой уровень) было не в ее силах

она настаивала на том, что ее дело ставить спектакли, а дело театра привлекать на них не только заезжих буржуа из соседних графств, в число которых входят и его родители, напомнила она ему, отец – банкир на пенсии и мать – домохозяйка из Беркшира, переехавшие в Лондон по культурным соображениям

---

⁶ Национальная одежда баварцев и тирольцев.

они его материально поддерживали даже в зрелом возрасте, он как-то по пьяни проговорился, что получал от них ежемесячное пособие

(о чем она по доброте душевной никогда ему не напоминала)

да, сказала она, мутить воду на периферии это хорошо и полезно, но мы также должны что-то менять в мейнстриме, ведь эти театры существуют на наши налоги, разве не так?

Сильвестр самодовольно вскинул голову, изображая из себя отверженного, который не платит налоги

а я плачу, и тебе не мешало бы

он откинулся назад со слезящимися от выпитого пива глазами и смотрел на нее молча, как судья на подсудимого; ей был знаком этот взгляд, сейчас скажет какую-нибудь гадость, притом что плохим другом его не назовешь

признайся, Амс, что ты пожертвовала своими принципами ради собственных амбиций, и теперь ты Истеблишмент с заглавной буквы, ты перебежчица

она резко встала, подхватила свою африканскую сумку с принтом в виде лоскутного одеяла и покинула заведение

пройдя немного по улице, она обернулась – он стоял, прислонившись к стене, и сворачивал косяк

старые привычки не забываются

Сильви, твое место там

4

Амма шагала в темноте, радуясь тому, что хотя бы так поздно стала обладательницей своего жилья, а ведь была практически бездомной

когда умер Джек Станифорт, его сын Джонатан, который давно грыз ногти после скандального отцовского решения не стричь купоны с недвижимости в таком лакомом месте, как Кингз-Кросс, откуда однажды будут курсировать поезда между Лондоном и Парижем.

тогдаш известил граждан Свободомии о принудительном выселении через три месяца

огорошенная этим известием, Амма не могла не признать, что ей крупно повезло: за все время она не заплатила даже медного гроша за жилье в одном из самых дорогих городов на планете

она плакала, покидая бывший офис, где можно было бегать трусцой и где из окон просматривались поезда, прибывавшие на станцию из Северной Англии

коммерческое жилье она не могла себе позволить, а для бесплатного проживания у нее не было оснований

поэтому она спала в своем офисе на диванчике, пока кто-то ей не предложил свободную комнату

круг замкнулся

потом умерла ее мать, чьи внутренности сожрала безжалостная, ненасытная, плотоядная болезнь, которая началась с одного органа и быстро перекинулась на другие

в этой смерти Амма видела симптоматическое и символическое следствие ее угнетенного положения

я так и не нашла себя, говорила ее мать подругам, она приняла как данность свое подчиненное положение и гнила изнутри

на ее похоронах Амма с трудом заставляла себя взглянуть на отца

вскоре он тоже умер во сне от инфаркта; отец призывал смерть, как считала Амма, так как не мог жить без жены, которая поддерживала его с первых дней его приезда в Англию

Амма сама удивилась силе своей скорби
она никогда не говорила ему о своей любви, а ведь он был ее отцом, хорошим человеком,
и она по-своему его любила, и вот он ушел навсегда, их патриарх, но мать была права, когда
говорила: Амма, он живет в своем времени и культуре

необходимость бежать из Ганы повергла моего отца в шок, говорила она во время траур-
ной церемонии, на которую пришли его старые друзья-социалисты

какая травма: потерять дом, семью, друзей, культуру, родную речь и оказаться в стране,
которой он не нужен

потом у него родились дети, и он решил, что мы должны получить образование в Англии,
точка

мой отец верил в высокие цели левого движения и не жалел усилий, чтобы сделать мир
лучше

она не стала говорить, что принимала отца как нечто само собой разумеющееся, с детства
и до самой его смерти смотрела на него зашоренными глазами, сверху вниз, хотя он ничем
перед ней не провинился, ну разве только не оправдал ее феминистских ожиданий

она вела себя, как эгоистичный глупый ребенок, а теперь уже ничего не исправишь

каждый год он писал в открытке к ее дню рождения о своей любви, а мать потом эту
открытку ей посылала

ее успешные старшие братья щедро отдали ей большую долю оставшегося в наследство
семейного дома в Пэкхеме

это позволило ей внести существенный депозит на покупку домика с верандой и крошеч-
ным садом на Рейлтон-роуд в Брикстоне

так у нее появилось свое жилье

5

Язз

появилась на свет девятнадцать лет назад в родильном бассейне, стоящем посреди гости-
ной с горящими свечами

и благовонными палочками и музыкальными всплесками, при участии повитухи Шерли
и Роланда, старого друга, согласившегося стать отцом-донором, после того как уход обоих
родителей поверг ее в небывалую, всепоглощающую меланхолию

ей повезло: Роланд, проживший пять лет с Кенни, при этом подумывал о том, чтобы стать
отцом

раз в две недели на пару дней он забирал крошку Язз к себе, повергая Амму в печаль,
что ее лишают сладкой свободы проводить выходные с новорожденной

Язз была чудом, о котором она даже не мечтала, появление ребенка придало ее жизни
полноту, о чем она редко кому говорила, поскольку это пахло антифеминизмом

Язз стала ее контркультурным экспериментом

она кормила ее грудью, где бы ни находилась, совершенно не заморачиваясь, оскорбляет
ли этим окружающих

всюду таскала ее, посадив сзади или закрепив перед собой на лямках, укладывала в
уголке репзала и прямо на столе во время совещаний

брала ее с собой, путешествуя поездом и самолетом, укладывала в люльку, больше похо-
жую на вещевой мешок, и однажды чуть не пустила по ленте для досмотра багажа, пришлось
слезно упрашивать, чтобы ее за это не арестовали

за ребенком присматривали семь крестных отцов и две крестные матери с гарантией, что справятся с ребенком, когда он подрастет и перестанет быть таким легеньким и податливым

Язз позволялось носить все, что ей нравится, лишь бы не в ущерб здоровью главное, свобода выражения, пока в ней еще не подавили вольный дух с помощью навязчивой регламентации образовательной системы

у Аммы сохранилась фотография дочери, где она идет по улице в пластиковом нагруднике римского легионера и оранжевой балетной пачке, с белыми крылышками феи, в желтых шортах и лосинах в красно-белую полоску, на ногах разная обувь (сандаleta и галоша), помада на губах, щеках и на лбу, а на голове косички с маленькими куколками на концах

Амма игнорировала сострадательные или осуждающие взгляды прохожих и недалеких матерей на детской площадке или в яслях

Язз никогда не ругали за прямооту, а вот за сквернословие – да, над своим словарем надо работать

лучше назвать Мариссу неприятной или непривлекательной, чем говорить «жопа с ручкой»

она не всегда получала, чего ей хотелось, но, если просьба звучала убедительно, появлялся шанс

Амма желала, чтобы дочка была свободной и сильной феминисткой

позже она записала ее на персональные курсы развития для детей – пусть обретет уверенность и умение самовыражаться в любой ситуации

это была ее большая ошибка

мам, сказала Язз в четырнадцать лет, собираясь с друзьями на музыкальный фестиваль в Рединге, ты поставишь мое ювенальное развитие под угрозу, если будешь меня ограничивать в этот критический момент на пути к свободомыслию и самовыражению взрослой женщины, какой ты желаешь меня видеть, или ты правда хочешь, чтобы я сбежала из дома, где я в безопасности, и жила на улице, занимаясь проституцией, чтобы выжить, употребляла наркотики, совершала преступления, страдала от анорексии и издевательств ублюдков-эксплуататоров вдвое старше меня и умерла раньше срока в сумасшедшем доме?

Амма промучилась все выходные, пока девочка была вдали от дома

мужчины на нее засматривались еще до того, как она вошла в период полового созревания

люди до конца не осознают, сколько вокруг нас педофилов

а уже через год Язз назвала ее феминисткой, когда она собиралась на вечеринку, а мать ей посоветовала удлинить юбку и укоротить каблуки, а также уменьшить декольте, чтобы прикрыть хотя бы тридцать процентов тела, хотя и двадцать процентов по нынешним временам считалось приличным

не говоря уже о *бойфренде*, подбросившем дочь до дома на машине

как только Язз перешагнула через порог, Амма задала ей невинный вопрос, уместный в устах любого родителя

кто он и чем занимается? в надежде услышать, что он шестиклассник, совершенно безобидный мальчик

в ответ со всей серьезностью, внаглую Язз произнесла: мам, это тридцатилетний психопат, который похищает невинных девушек и надолго запирает их в погребе, где ими пользуется так и сяк, а потом изрубает на мелкие кусочки и убирает в морозилку для зимнего рагу

после чего упорхнула к себе наверх, оставив легкий запах анаши

ее дочь даже не желает называть себя феминисткой
феминизм это что-то стадное, заявила она матери, даже слово «женщина» уже устарело;
Морган Маленга, небинарная активистка в универе, открыла мне глаза: похоже, в будущем мы
все станем небинарными, ни мужчинами, ни женщинами, которых, в принципе, мы из себя
изображаем, так что твоя *женская политика*, мамуля, скоро превратится в ненужный орган,
и, кстати, я гуманитарянка, а это на порядок выше, чем феминизм
ты хоть слышала такое слово?

Амма скучает по дочери, уехавшей учиться в университете
но не по ядовитой змее, которая ждет момента, чтобы ее ужалить, ведь, с точки зрения
Язз, только молодежь способна на чувства
она скучает по той, чьи шаги слышны в соседней комнате
по той, что, как ураган, врывается в комнату с криками: где моя сумка/телефон/проезд-
ной/книги/голова?
привычный фон, когда она рядом, щелканье замка в туалете, хотя в доме, кроме них,
никого нет, эта привычка сохранилась у нее со времен половой зрелости, и Амма находит ее
оскорбительной
ровно десять прокруток перцемолки над (баночным!) томатным супом вместо материн-
ского чудного домашнего супчика
по утрам музыкальное урчание и радиобормоток из спальни
по субботам – свернутый клубок на диване в гостиной, под пуховым одеялом, смотрящий
телевизор до полуночи, чтобы потом пойти спать
Амма вспоминает, как в ее возрасте куролесила всю ночь и возвращалась домой утрен-
ним автобусом

в отсутствие Язз в доме иначе дышится
Амма ждет, что по окончании университета она вернется
и восстановятся шум-гам и хаос
большинство выпускников возвращаются, разве нет?
иначе они не могут свести концы с концами
Язз может здесь жить
сколько ей заблагорассудится.

Язз

1

Язз

сидит в партере, в самой середке, на одном из лучших мест в зале, выбранном мамой, хотя предпочла бы сидеть где-нибудь на галерке, чтобы тихо улизнуть, если пьеса ее сильно разочарует

ей пришлось собрать в пучок свою дикорастущую огромную непослушную прическу в стиле афро, так как сидящие сзади обычно жалуются, что им из-за нее не видно сцены

когда ее африканские соотечественники обвиняют таких зрителей в расизме и агрессии, она им говорит: а что бы вы испытывали, если бы перед вами во время спектакля поставили фигурно подстриженную живую изгородь?

справа и слева сидят ее универские подружки из серии «к нам не подходи на пушечный выстрел», Варис и Кортни, такие же трудяги, как она, поскольку все намерены получить диплом с отличием, а иначе они

в жопе

хотя они и так в жопе, кто бы спорил

универ они окончат с огромными долгами и столкнутся с сумасшедшей конкуренцией за рабочие места и с безумными ценами на арендное жилье, а это значит, что их поколению придется *похоронить* себя дома, отсюда еще большее отчаяние по поводу собственного будущего и будущего планеты, погружающейся в тартарары, вот и Соединенное Королевство скоро отсоединится от Европы, которая сама скатывается к реакции и снова делает фашизм модным, и разве не безумие, что мерзкий, с крашеным перманентом на голове миллиардер установил новую планку интеллектуального и морального падения, став президентом Америки, и это в целом означает, что старое поколение ВСЕ РАЗРУШИЛО и ее поколение обреченоooooооо

если только они не вырвут бразды правления, в том числе интеллектуальные, из рук этих стариков

и чем раньше, тем лучше

Язз изучает английскую литературу и планирует стать журналисткой с собственной острой колонкой в известной на весь мир газете, так как ей есть что сказать, и пусть об этом все услышат

сидящая справа Варис из Вулверхэмптона читает «Политику» Аристотеля и хочет стать членом парламента, чтобы *пред-став-лять*, но начнет она с активизма на местном уровне в духе Барака Обамы, ее ролевой модели

Барак, возвращайся!

сидящая слева Кортни из Саффолка читает труд по американистике, в первую очередь ее интересуют афроамериканцы, и этот курс был ею выбран из-за возможности провести третий учебный год в Штатах, где она надеется встретить будущего мужа

в зрительном зале, как всегда, преобладают седоголовые (средний возраст – сто лет)

мамины друзья и убежденные фанатики разбросаны здесь и там, они бы тоже выглядели седыми, если бы не брились наголо, или не красили волосы, или не прикрывали голову платком

Язз бросает взгляд на развалившегося в кресле Сильвестра в задрипанном синем комбинезоне «из коммунистического Китая» и такой бородой, что его легче принять за фермера-амиша, чем за городского хипстера

ты уже староват для таких причуд, Сильви
он скрестил руки на груди и скалится так, словно не принимает спектакль еще до поднятия занавеса, а перехватив ее взгляд, выдавливает из себя улыбку и машет ей ручкой, вероятно, смущенный тем, что она прочитала его мысли

она машет в ответ, изображая лицом, как рада его видеть

он, один из ее крестных отцов, был понижен до третьего разряда после того, как три года подряд посылал ей на день рождения одну и ту же открытку – дешевая благотворительность из переработанного утиля, а что касается подарков, то последний он ей вручил на шестнадцатилетие – теперь ты по закону можешь заниматься сексом, так зачем тебе моя поддержка?

божки первого разряда охотно расстаются с денежками на ее день рождения, молодцы, поддерживают с ней отношения, не забывают о молодом поколении

парочка божков исчезла с лица земли, вроде как рассорившись с мамулей из-за какой-то ничего не значащей мелодрамы

мать говорит, что Сильвестру пора бы перестать крыситься на чужие (ее) успехи, время его не изменило, и он безнадежно отстал

разве ты не думала о себе точно так же еще совсем недавно, мам?

с тех пор как мать получила приглашение в «Националь», она сильно задрала нос перед своими барахтающимися театральными друзьями, как будто она единственная нашла путь к успеху

как будто сама годами не смотрела по «ящику» всякое дерьмо в ожидании важного звонка
вот что значит иметь дочь с глазами рентгеновского аппарата

она видит предков насквозь

дядя Кёрвин не пожаловал на премьеру вместе с Сильвестром, поскольку считает политику куда более драматичной, чем театр: «Брексит и Трамп-пам-пам! Вот вам современная комедия ошибок» – его последняя мантра

будучи советником лейбористской партии в округе Ламбет, он принимает участие в поздних заседаниях, чтобы тушить пожары, а на самом деле, по словам Сильвестра, *зажигать* – Сильви любит срывать с Кёрвина маску самодовольного политика

зачем тебе враги, когда твой главный партнер по жизни регулярно макает тебя лицом в грязь?

Кёрвин пользуется устарелыми оборотами типа «в самую точку!» и любит посещать самый захудалый паб в Брикстоне, где старички по сей день тоскуют по Мэгги Тэтчер и забастовкам шахтеров; один из немногих пабов, который до сих пор не превратили в винный погребок, гастро-паб или коктейль-бар, скулит мама

как будто сама когда-то не приняла участие в «облагораживании» Брикстона

и не заходит в модные заведения вроде «Ритци»

и не привела Язз в один из коктейль-баров, которые якобы презирает, чтобы там отпраздновать законченный ею на пятерки учебный год

разок заглянем, шепнула она дочери, когда они вошли в закрытый рынок, ныне посещаемый щеголеватыми банкирами, которые смотрели на них, как на аборигенов, совершающих культурное сафари

а кто недавно был замечен одним из приятелей Язз в кафе «Любители зерновых» в Стоквелле

где продают больше сотни зерновых продуктов на завтрак по заоблачным ценам

куда вздумает заглянуть ну разве только тот, кто продал душу хипстерскому аду?

это кафе настолько возмутило местных, что они до сих пор продолжают бить окна

что касается папика

(ты можешь меня называть Роландом... нет, ты мой папик, *папик*)
то он сидит впереди в своем костюме от Освальда Боатенга – переливчато-синий материал извне, пурпурный сатин изнутри
волосы на голове блестят благодаря маслу какао утром после подъема и перед сном
спина прямая благодаря ежемесячному тренингу по «технике Александра» – это помогает ему справиться с тем, что сам он называет «академическим синдромом горбуна»
он то и дело как бы невзначай проверяет, кто из смотрящих телик его узнал

того, что папик тратит на одежду, ей хватило бы на оплату годового обучения в универе, но он *уверяет*, что ему это не по карману
в его стиле быть модным, вместо того чтобы приносить отцовские жертвы
в ее стиле лазить по карманам его пиджака в поисках крупных банкнот – добро пожаловать в огромную гардеробную в его квартире, расположенной в четырехэтажном доме на площади Клафам: белые деревянные полы и желтые стены, увешанные подлинными фотографиями Картье-Брессона, которые он купил по фунту за штуку на распродаже «из багажника» в Уэмбли, еще будучи подростком
как он хвастается перед новыми гостями, рассматривающими их в прихожей
в тринадцать лет, будучи еще слишком невинной, она наткнулась в ящике его стола на газовую маску с кожаным членом вместо носа, а также целый набор из кнутов, гелей, наручников и прочих непонятных предметов
лучше бы она всего этого не увидела, это был ее первый урок: ты по-настоящему не знаешь человека, пока не заглянул в его потайные ящики
и в его компьютер

папик
автор трилогии-бестселлера «Как мы тогда жили» (2000), «Как мы сейчас живем» (2008) и «Как мы будем жить в будущем» (2014), печатавшейся в «Нью-Йорк таймс» и «Санди таймс»
доктор Роланд Куорти, первый «профессор современной жизни» в Лондонском университете

всей жизни? пап, ты серьезно? она забрасывала его вопросами, когда он ей позвонил, чтобы с гордостью объявить о своем новом курсе
это не перебор? надо ж знать все про всех, а в мире живет семь миллиардов, около двухсот стран, тысячи языков и культур!

это обзор божественного масштаба, нет? пап, ты что, стал богом? *официально?*
в ответ он пробормотал что-то про Интернет и Покемона, терроризм и глобальную политику, фильмы «Во все тяжкие» и «Игра престолов», а для ровного счета подбросил несколько цитат из Дерриды и Хайдеггера, что он обычно делает, когда не контролирует ситуацию

а как насчет Белл Хукс? – перешла она в атаку и стала быстро проглядывать в смартфоне список писателей для курса «Гендер, раса и классы»

как насчет Кваме Энтони Аппиа, Джудит Батлер, Эме Сезаре, Анджелы Дэвис, Симоны де Бовуар, Франца Фанона, Юлии Кристевой, Одри Лорд, Эдварда Саида, Гаятри Спивак, Глории Стайнем, Вумби Йока Мудимбе, Корнела Уэста и других?

папик не ответил
он не ожидал, что студентка перепрыгнет через профессора (вот вам и кузнецик!)
как ты можешь быть «профессором современной жизни», когда все твои источники – мужчины и белые (хотя ты сам не такой, хотела она добавить, но удержалась)
он снова заговорил, но уже пониженным голосом, мол, за ним приехал автомобиль (значит, не такси), он срочно выезжает

если не соврал («автомобиль» значит лимузин, а «машина» значит такси), то шофер повезет его на телестудию, он регулярно появляется в «ящике», чтобы поспорить с людьми еще более заносчивыми, чем он сам

он стал медиапроституткой, неодобрительно вещает мать, а когда-то был классным парнем, пока не проснулся знаменитым и слава его испортила, раньше во что-то верил, а сейчас только в себя, твой отец, Язз, слился с истеблишментом, вот почему они с ним так носятся, он уже не чужак, как я, которая пытается куда-то сунуться, а в результате получаю крохи, жалкие крохи, Язз

забавно, но когда мамуля смотрит его по телику, то через губу соглашается почти со всем сказанным, к тому же теперь она в «Национале», и уже не скажет, что она чужак

а папик эпически обиделся на дочкин эпический выпад

он не позвал ее к себе в ту неделю на выходные, и через две недели, и через три в запарке, сама знаешь

* * *

короче, от нее зависит, сложатся ли у них в будущем с отцом здоровые отношения, больше ни от кого, он окружил себя «придворными лизоблюдами», как говорит мать, Язз встречается с ними на его вечеринках, в основном это известные белые люди из телевизора, считающие его своим

с мамой ей это почти удалось, хотя и потребовало больших усилий, особенно в подростковом возрасте, когда мать впадала в истерику, если ей не удавалось добиться своего

теперь она хорошо знает, что не надо пытаться контролировать дочь или ей перечить

сегодня Язз достаточно сказать: «Мамуля, не надо на меня наезжать», – и она сразу затыкается

папику тоже предстоит научиться

сам же потом будет ей благодарен

Кенни (крестный отец № 2, который поступает мудро, даря ей на дни рождения чеки на суммы, оканчивающиеся двумя нулями), как преданный вассал, сидит рядом с папой

Кенни тоже лысый и усатый в стиле семидесятых (ничего хорошего), он садовник-декоратор, она с ним ладит главным образом потому, что он не заморачивается по поводу своего величия, они вместе смотрят «Х-Фактор», так как больше нечего смотреть, а вот папик смотрит с умным видом, потому что собирается написать о его культурном значении

а еще они вдвоем по воскресеньям рано утром, пока город еще спит, едут на велосипедах через площадь в Баттерси, а дальше переулками в Ричмонд, к реке, ради удовольствия, а не потому, что это помогает сохранить фигуру

тогда как папик бегаёт марафоны именно по этой причине

Кенни вчера попросил ее быть помягче с отцом, после того как тот вышел из себя в ответ на ее безобидный комментарий

у меня циничный позднеподростковый период, заметила на это Язз, ничего не могу с собой поделать, Кенни, как только снова стану душкой, я дам тебе знать

Кенни расхохотался и в очередной раз напомнил ей о том, что знает ее со времен, когда она еще была отцовским сперматозоидом, одним из миллионов, в пробирке для искусственного оплодотворения, и позже, когда ее мама жаловалась, что она лягается в утробе

на что последовал ехидный ответ: я лягалась, поскольку еще эмбрионом предвидела, какая нищета меня ждет

после окончания университета она уговорит мать продать свой дом... пардон, *их* дом, который стоит целое состояние, после того как *мамуля* так облагородила Брикстон мамочка может перебраться в бунгало, очень даже практично для женщины ее возраста, например в какой-то не слишком популярный приморский городок, где жилье стоит дешевле а на оставшиеся деньги Язз себе купит маленькую квартирку для начала с одной спальней
поможешь мне, мамуля, сделать первый шаг вверх по лестнице благосостояния, а?
ответа не последовало

Язз предпочла бы, чтоб спектакль уже получил пятизвездочные отзывы, тогда она смотрела бы пьесу, отмеченную печатью одобрения, но если критики смешают спектакль с грязью, то именно *ей* придется иметь дело с последствиями, а мамино эмоциональное буйство может растянуться на недели – мол, критики вставляют ей палки в колеса, совершенно не понимая, какова жизнь черных женщин и что она совершила настоящий прорыв после сорока лет каторжного труда, бла-ди-бла, они не врубаются, *о чем* эта пьеса, а она не о подручных работах в Африке и не о трудных подростках, не о наркодилерах и военных правителях, не об афроамериканских блюзовых певцах и белых людях, спасающих черных рабов кому придется выслушивать по телефону все эти тирады, догадайтесь сами она всегда была и будет жилеткой, куда мамочка может поплакать это ноша, которую должен нести на себе единственный ребенок, особенно девочка более отзывчивая по своей природе

2

у Язз в университетском общежитии висит на стене огромный постер – Джими Хендрикс с его сумасшедшей шевелюрой, хипповой повязкой на лбу, морщинистой грудью, выпирающим мужским хозяйством и электрогитарой

по этому культурному символу всякий, кто входит в ее комнату, тотчас понимает, с какой сучкой они имеют дело

ее эклектичные и непредсказуемые пристрастия мечутся между доисторическим роке-ром с его электрогитарными переборами, Моцартом, Стормзи, группой «Священники», Анжеликой Киджо, Уайзкидом, Бэем, Шопеном, Рири, Скоттом Джоплином, Долли Партон, Амром Диабом и т. д. и т. п.

у нее даже есть запись русских басов, поющих на октаву ниже, они не столько поют, сколько заставляют дрожать землю

ну, кто меня круче, оле?

у нее самая большая комната во всем блоке, которую она получила, сославшись на «крайнюю клаустро- и социофобию»

из окна открывается вид на канал, тянущийся вдоль границы кампуса к заболоченным землям, где водятся выдры (или это барсуки?), цапли (или это гуси?) и другие полуптицы-полужвери, поди разберись, а проверять в Сети недосуг

лучше забивать себе голову чем-то полезным, а названия диких зверушек в Восточной Англии к этому явно не относятся

из другого окна видны петляющие дорожки, по которым за полночь враскачку бредет домой назюзюкавшаяся и бесстыдно горланящая братия, хорошо посидевшая где-то в городе или рядом в студенческом баре

она там была лишь однажды, он набит до отказа пьяными отбросами человечества, а именно дурно пахнущими парнями, и эти запахи с каждым учебным месяцем только крепчают,

поскольку рядом нет матерей, которые бы их насильно, невзирая на крики протеста, затолкали в ванну

они часто ходят со страдальческими физиономиями, не понимая, почему другие студенты не желают сидеть с ними рядом на лекциях, никто ведь им прямо не говорит: да ты воняешь, браток

Язз думала, что в универе закрутит роман с симпатичным парнем ее уровня, с лицом получше, чем автобус сзади, и выше ее ростом (непременное условие)

человеком, к которому можно прижаться субботним вечером и отлипнуть от него воскресным утром, чтобы послушать музыку и почитать «Нью-Йоркер», «Обсервер», «гал-дем», «Зе Рут», «Атлантик» и «тегрио»

придет день, когда она будет писать для них статьи

увы, она не умеет, как мамуля, дергать за ниточки, недаром в лесбийском мире Амма считается горячей штучкой

ее подружки *du jour*⁷, как выражается папик (эй, зачем тебе английский, когда ты можешь говорить по-французски?), белые девушки, Долорес и Джеки, а вообще ее мамочка передружила со всеми мыслимыми этническими представительницами (это называется мультирасовой проституцией)

им очень комфортно вдвоем, что греет душу, когда видишь, как мамы подружки переругались из-за нее

ей это кажется странным и подозрительным, ведь с Долорес и Джеки у нее не бывает ни громких разборок, ни воинственных записей на автоответчике, никто не пытается ворваться в дом посреди ночи и, сидя в углу, не мечет стрелы в сторону соперницы на маминых вечеринках

похоже, они испытывают друг к другу теплые чувства, и у Язз даже есть подозрения, что они устраивают кошмарные постельные сцены втроем, но она не решается задать ей вопрос в лоб

она давно потеряла счет женщинам, появлявшимся в их доме и исчезающим, и уже перестала отмечать новых на шкале Рихтера, фиксирующей взрывы раздражения

неизбежно за завтраком появится очередная мамина пассия и постарается подружиться с дочкой, побежит делать ей тост и омлет с сыром и помидорами, нальет ей сок, вымоет после нее грязную посуду

а дочка потом будет делать ей недвусмысленные намеки с приближением своего дня рождения/Рождества/Пасхи

почему на столе нет мармелада?

когда Язз рассказывает о своем необычном детстве, люди попроще видят перед собой девушку с психологической травмой, а как иначе, если мать полигамная лесбиянка, а отец гей и нарцисс (таким она его изображает), ею жонглировали между двумя домами и периодически бросали на разных крестных, пока родители занимались собственными карьерами

Язз раздражается, она терпеть не может, когда посторонние люди говорят плохо о ее предках

это *ее* прерогатива

в общем, она решила, что лучше развлекаться с командой единомышленников, чем охотиться на мужчин

ей не свезло, она принадлежит к поколению «умыкнул, поболтал и трахнул», парни ждут, что ты им отдашься на первом (оно же последнее) свидании, что у тебя голый лобок и что ты

---

⁷ На сегодняшний день (*фр.*).

выполняешь самые мерзкие прихоти, как это делают женщины в порнухе, которую они насмотрелись в Интернете

эти парни, подозревает она, смотрят порнуху с утра до вечера и с вечера до утра, не выходя из комнаты (лекции? какие лекции?)

в универе у нее было свидание лишь один раз, в баре, с мужским образчиком, показавшимся ей сначала интересным, так вот он явно просматривал в телефоне, нет ли в округе кого-нибудь посексуальнее, и наконец слинял с жалким оправданием, что должен отредактировать домашнее задание

она ушла вскоре после него и по пути домой увидела, как он болтает с женщиной в другом баре

Язз уверена, что к тому времени, когда ее сокурсники остепенятся, яичники у нее перестанут работать, а эти парни западут на девиц вдвое моложе, которые им родят по щелчку

короче

хотя она считается довольно привлекательной (то есть не на сто процентов уродливой), со своим уникальным стилем (тут и «готический рок» девяностых, и пост-хип-хоп, и что-то от шлюшки, и что-то от инопланетянки), ей приходится соперничать с девушками на факсайтах с коллагеновыми губами и силиконовой грудью

она подумывала о том, чтобы встречаться с парнями за тридцать (эти всегда не прочь потрахать девочек-подростков), но торчащие из носа волосы, морщинистый член и пивной живот ее останавливают

а пока не появился (если вообще когда-нибудь появится) достойный кандидат, способный предложить моногамные отношения на долгий срок (по стопам матери она не пойдет), Язз поддалась сексуальному влечению к Стиву, американцу, пишущему докторскую на тему «Эстетическое взаимодействие хип-хопа и расовой политики в 1980-х годах»

к сожалению, у него есть подруга в Чикаго, что создает моральную головоломку, когда они лежат в постели, а она звонит, и ему приходится врать, чем он занимается

у Язз бывают бессонные ночи, когда ее терзают мысли, что она всегда будет одна

если она в девятнадцать лет не может найти бойфренда, то какие шансы встретить партнера по жизни в зрелом возрасте?

кое-кто из маминых подружек остались одинокими на десятилетия – не лесбиянки, у которых нет проблем переспать друг с дружкой, а женщины традиционной ориентации, имеющие приличную работу и собственный дом, который им не с кем разделить, и они любят повторять, что пока не готовы к семейной жизни

мамуля обвиняет их в «синдроме Обамы»⁸

заочно

Ненет, третий член их команды, обручена с Кадимом, который учится в Америке

это был выбор ее родителей, она попыталась сопротивляться, но ей пригрозили отлучением от дома, и мысль о том, что после универа ей придется самой искать работу и зарабатывать себе на жизнь, как многим ее сверстникам, заставила ее пойти на попятный

слава богу, когда она с ним познакомилась и узнала поближе, у них все сложилось, и она теперь часто улетает на долгие выходные (со среды до понедельника) в Коннектикут, где он проходит учебу

что не мешает ей получать пятерки за письменные работы, девочка умная

а еще настолько уверенная в себе, что с ней лучше не связываться

---

⁸ «Синдром Обамы: поражение дома, война за границей» – книга британско-пакистанского писателя и историка Тарика Али.

когда какой-то студент начал забрасывать ее откровенными эсэмэсками, она пожаловалась на него в деканат, и его чуть не отчислили

когда сокурсница в слезах призналась, что ее изнасиловали, Ненет на свои деньги наняла адвоката, который добился шестилетнего срока для насильника

потом он выйдет на свободу и будет насиловать других женщин (на этом все подруги сошлись)

Варис встречается с Эйнармом, парнем с сомалийскими и норвежскими корнями, они не разлучаются еще с тех пор, как сидели вместе на уроках истории в школе

оба фанаты аниме и ходят на ежегодный фестиваль «Comic Con»

Варис в качестве хобби рисует комиксы с супергероиней-сомалийкой

которая отслеживает мужчин, причинивших страдания женщинам,

и кастрирует их

медленно и без обезболивающих

когда они встречаются вчетвером, Язз готовит всем горячий шоколад из пакетиков и предлагает мамыны песочные бисквиты, она стала их делать для дочки с тех пор, как та поступила в университет – словно вдруг осознала, что не была идеальной мамочкой-наседкой, и решила исправиться

три четверти команды почти не пьют

Язз считает ум своей главной ценностью и не собирается подвергать его угрозе

Варис за хиджаб и внебрачный секс, но против спиртного и свинины

Ненет говорит, что начнет употреблять через несколько лет брака, когда Кадим заведет себе первую официальную любовницу; когда это произошло с ее матерью, у нее утро начиналось с джина и тоника и день заканчивался ликером, а в промежутке она выпивала от одной до трех бутылок вина

так что Кортни единственная, у кого общение приправляется красным винишком

Язз потянуло к Варис на второй день «Недели первокурсника», на приветственной вечеринке в спортивном зале, где они обе затаились на периферии; Язз подошла к девушке с лицом отдыхающей сучки, в чем она позже ей призналась, на что Варис отреагировала с чувством юмора и в свою очередь поинтересовалась, давно ли Язз видела себя в зеркале

они сразу сошлись на том, какими незрелыми выглядят их сверстники, пьющие чай со льдом в местном «Старбаксе», когда первокурсники устроили настоящий бедлам с пенными вечеринками, пейнтболом под музыку диско, охотой за сокровищами и загулом по пабам, что наверняка закончится экстренной медицинской помощью, предсказала Язз

чья это была идея? поинтересовалась она, заполняя официальный бланк приглашения на «Неделю первокурсника»

спаивать бедолаг, которые еще вчера тихо сидели дома!

может, сразу записать их в реабилитационный центр, а не ждать первых признаков болезни печени на втором курсе?

Варис

подбирает головные платки под цвет свободной одежды

у нее бывают разные дни – зеленые, коричневые, голубые, цветочные, флуоресцентные... только не черные, она не традиционалист

она нередко прячет телефон под хиджаб, чтобы разговаривать, не держа его в руке; отличное сочетание религиозности и практичности, по словам Язз

на что следует ответ: для меня хиджаб – всего лишь утверждение мусульманской идентичности, а для кого-то это религиозный обряд, ну а если женщина прикроется Кораном, то это как?

Варис никогда не выходит из дома, предварительно не покрыв свое идеальное лицо тональным кремом

она выдавливает целые тюбики туши, чтобы сделать погуще и без того лесистые ресницы а из бровей она рисует высокие арки, которые заканчиваются почти у самых ушей

Варис утверждает, что, если «не сделать лицо», то она будет выглядеть дурнушкой, и напрасно Язз заверяет ее в том, что сомалийские женщины самые красивые в мире и что это и к ней относится

Варис считает себя толстой, хотя у нее нормальная фигура, она может так исщипать себя за ляжки, что делается пятнистой, а потом показывает подруге свой несуществующий целлюлит, на что Язз ей говорит: слушай, если себя так перетянуть, то, естественно, будет выпирать кожа

она может носить солнцезащитные очки без всякого повода – вечером или в здании

как-то она пришла в них на занятие, что выглядело прикольно и несколько угрожающе, пока доктор Сандра Рейнолдс (зовите меня Сэнди, мальчики и девочки) не показала всем, что она вовсе не такая простушка, потребовав от нее снять темные очки, если только их не прописал врач, но тогда Варис должна прямо сейчас предоставить медицинское заключение или покинуть аудиторию

в них я выгляжу бесстрашной, объяснила Варис подруге, когда они вышли из пиццерии субботним днем и пошли назад в кампус по скользкой от дождя брусчатке

или они помогают скрыть, что тебе страшно, предположила Язз, слова вроде похожие – «страшно», «бесстрашно» – а смысл диаметрально противоположный, согласись

Язз испытала прилив сверхъестественной мудрости не по годам
бывают такие минуты

какое-то время Варис молча шла в задумчивости и наконец с не меньшей проницательностью произнесла: наверное, и то и другое

в эту минуту Язз окончательно поняла, почему им так хорошо вдвоем, – они на одной интеллектуальной волне

мир был другим до 11 сентября, сказала Варис; они шли по оживленной городской улице мимо больших старых домов из толстых серых плит; она была еще слишком маленькой, чтобы помнить времена «до того», когда, по словам матери, прохожие смотрели на женщин в хиджабе с удивлением, любопытством и жалостью

а потом наступила эра «после того», когда на этих женщин стали смотреть с нескрываемой враждебностью, которая только возрастает после очередного теракта, будь то взрыв или наезд грузовика на мирных жителей

так что Варис приходится держать удар, когда в ее сторону плюют и обзывают грязной арабкой, «хотя никакая я не арабка», напоминает она подруге

это безумие, говорит Варис, какими же надо быть тупыми, чтобы считать, что полтора миллиарда мусульман мыслят и действуют одинаково, что любой мусульманин готов устроить массовый расстрел или подрыв, и его изначально записывают в террористы, а когда то же самое совершает белый мужчина, его называют сумасшедшим

и те и другие сумасшедшие, Язз

я знаю, Варис, я знаю

Язз видит эти враждебные взгляды, адресованные подруге

и отвечает людям тем же в ее защиту

Варис говорит, что ее бабушка теперь редко покидает их муниципальную квартиру в Вулверхэмптоне, слишком тяжело переживает уличную враждебность и не устает оплакивать то, что она потеряла

до 1991 года она вела благополучную жизнь в Мogaдишо, мужчины занимались зубо-врачебным семейным бизнесом, пока их всех не поубивали, и тогда ей пришлось вместе с дочками бежать в Англию

и вот, вся в себе, она целыми днями сидит в гостинной
глотает прописанные ей таблетки
и однажды они свое дело сделают

моя мать Хаанан совсем другая, она вбила нам, детям, в головы: или мы покорно сми-
римся с тем, что нас раздавит История со всеми ее жестокостями, или почувствуем себя вои-
нами

папа трудится на фабрике, мама на двух работах: вкалывает в приюте для мусульманок
и учит самозащите женщин, скрывающих свое лицо, дабы они умели себя защищать от «сры-
вателей хиджабов» и им подобных

она дает им уроки крав-маги, джиу-джитсу, айкидо и пенчака в общинном центре, с гор-
достью рассказывает Варис, которая и сама с помощью матери освоила разные боевые иску-
ства

подруги возвращаются в кампус – дождь прошел, небо расчистилось, появилась радуга
они проходят мимо спортзала, где кипит жизнь

мимо прачечной, где студенты, как зомби, таращатся на вращающиеся барабаны или во
что-то играют в своих телефонах

мимо художественного центра с галереей и кафе, где продают кофе и пирожные по заоб-
лачным ценам всяким тузам, специально посетившим кампус, чтобы себя развлечь

мимо жилого квартала, где из окон доносятся музыка и особый запах

и наконец, входят в свой подъезд и поднимаются по лестнице, а Варис тем временем
перечисляет, в каких случаях она дает сдачи

если кто-то говорит, что терроризм это синоним ислама

если ей сочувствуют, что она угнетенная женщина

если ее спрашивают, не родственница ли она Усамы бен Ладена

если ее обвиняют в том, что приезжие захватили их рабочие места

если ее называют тараканшей-иммигранткой

если ей советуют убираться к своему дружку-джихадисту

если ее спрашивают, знакома ли она с террористами-смертниками

если ей говорят: это не твоя страна, когда ты уже свалишь?

если интересуются, когда ее ждет брак по расчету

если спрашивают, почему она одевается как монахиня

если с ней говорят по слогам, как будто она не знает английского

если восхищаются тем, как хорошо она говорит по-английски

если спрашивают, подвергалась ли она КЖПО⁹, бедняжка

если обещают убить ее и всю ее семью

как же ты настрадалась, говорит Язз, такая жалость, я это без покровительства, просто
эмпатия

---

⁹ Калечение женских половых органов.

я настрадалась? вот моя мать и бабушка – да, они потеряли близких, родину, а мои страдания – здесь, в голове

не только в голове, если люди на тебя наезжают

я сравниваю себя с теми, кто погиб во время гражданской войны в Сомали, а таких пол-миллиона, а я родилась здесь и всего добьюсь в этой стране, даже если мне придется лезть из кожи вон, на свободном рынке труда легко не бывает, но знаешь, что я тебе скажу? я не жертва, и не делай из меня жертву, меня мать не для того воспитывала

3

вечером они танцуют в комнате Язз под песни Амра Диаба

она говорит Варис, как важен баланс между церебральным и телесным

ты это к тому, что нам надо больше двигаться, так как мы слишком много думаем?

именно, подтверждает Язз, всю работу руками

почему так и не сказать?

позже они продолжают очень громко проигрывать песни знаменитого египтянина уже с Ненет, которая их на него подсадила, а живет она на том же этаже; эти стихи в сладких устах Диаба, которого Язз увидела на экране, произвели на нее сильнейшее впечатление

Варис он тоже понравился, ее душу тронула музыка

я почувствовала любовь к мужчине, который однажды ответит на мою страсть, сказала Язз

я бы на месте этого мужчины сильно испугалась, прокомментировала Варис

по словам Ненет, Диаб – позавчерашний день, она под него скорее ностальгирует, и она им показала арабские движения: как крутить бедрами и водить руками, при этом балдея от мармеладных тянучек

это стало их кайфом – Амр Диаб по вечерам

* * *

Кортни, соседка, постучала в ее дверь (она была в пижаме) и попросила приглушить музыку – не могу уснуть, вы знаете, сколько времени?

Язз посоветовала ей прислушаться к музыке из *других* комнат – ну что, слышно? сверху? снизу?

еще бы не слышно, суббота же, приходится вызывать охрану, но стоит ей уйти, как снова врубают на полную

кароч, у всех музыка, ага? Язз уперла руки в бока. Так чё ты на нас наезжаешь? она глядела на нее с глубоким подтекстом

напряжение сняла Ненет, сказавшая, что уладит конфликт, как-никак ее отец работал в дипломатической службе все тридцать лет, пока Мубарак был президентом Египта

это называется диктатура, возмутилась Варис

это называется политическая стабильность, парировала Ненет

ее дед вырос вместе с Мубараком в Кафр эль Мешельха и работал с ним в министерстве юстиции, они дружили семьями

ее родители, дипломатическая пара, научились разговаривать с любым человеком так, словно они в нем лично заинтересованы, даже если в душе его ненавидят; они бы и с тобой так разговаривали, заверила она Варис

та поняла, что имела в виду Ненет: в Египте на сомалийцев смотрели свысока

когда в результате революции правительство Мубарака пало, семья Ненет бежала в Соединенное Королевство, где у них уже было гражданство, в которое ее отец вложил миллион фунтов

до того ее родители где только не жили, а сама она училась в школе-пансионе в Сассексе не спрашивай меня, откуда у нашей семьи такие деньги, ответила она любопытной Варис они мне никогда не говорили

Ненет пригласила соседку зайти, пустив в ход дипломатическую улыбку: как вас зовут? предложила ей кока-колу, а когда снова заиграла музыка, показала госте правильные движения

плыви, Кортни, представь, что ты вода, воздух, свет, пускай музыка овладеет твоим телом, не анализируй, танцуй с собой и для себя

вскоре Кортни уже плыла и кружилась вместе с ними, получая удовольствие от фа-ла-ла и удивляясь, как она раньше не слышала этой музыки

она тебе не кажется немного оскорбительной? спросила Язз

почему? она мне правда нравится, и танец живота тоже

что еще за *танец живота*? возразила Язз, это так по-восточному, мы здесь не терпим такие вещи; тут в дело вмешалась Ненет и попросила ее помолчать, она объяснила, что этот танец вдохновлен тем, что сейчас называется *ракс шарки*

о'кей, Кортни пожала плечами, продолжая совершать вычурные вращения, она танцевала так, словно бедра существовали отдельно от талии, талия от груди, руки от торса, а кисти от рук словом, она двигалась лучше любой из них

уснули все на полу, а завтракали в столовой

Кортни рассказала им, что она выросла в Саффолке на ферме, где выращивали пшеницу и ячмень, и сразу посыпались шуточки: вылитая фермерская дочь

игристые глаза, сказала Ненет

прозрачная кожа, сказала Язз

грудь кормилицы, добавила Варис

Варис, никогда не выезжавшая из Вулверхэмптона, пока не перебралась в университет, призналась, что ни разу в жизни не была на ферме

я тоже, сказала Язз, у меня душа урбанистки, а не деревенщицы

а у моих родителей, сообщила им Ненет, есть ферма в Котсволде, где выращивают лам, и виноградник в долине Франсхук в Южной Африке

кому-то это на пользу, прокомментировала Варис, на что Ненет огрызнулась, дескать, от нее это не зависело; эт точно, прозвучало в ответ

Язз сказала, что она любит парное молоко, но ей бы не понравилось, если бы по утрам ее будили петухи своим кукареканьем, и при всей любви к парному молоку она бы не хотела доить корову и тем более резать ее на бургеры с говядиной

Варис сказала, что она бы с удовольствием устраивала ежедневные пешие прогулки по лугам, и тут же получила отповедь от Кортни, что та ненавидит пешие прогулки, к тому же рядом с их фермой нет никаких лугов

с аппетитом поедая яйца с беконом и тушеной фасолью, Кортни имела неосторожность поинтересоваться, почему Варис носит головной платок

Язз оторвалась от своего мюсли в ожидании резкого выпада, но вместо этого Варис ковырнула ложкой густую кашу и на удивление спокойно ответила, что, во-первых, это культурное высказывание, во-вторых, политическое... сейчас, подумала Язз, прозвучит: а в-третьих, не твое собачье дело... но нет, не прозвучало

она лишь добавила, что мать учила ее никому не объяснять свои поступки

Ненет, пьющая вторую чашку кофе и ковыряющая вареное яйцо, уже готова была вступить в дискуссию, но не пришлось – Кортни пошла на попятный, хотя и в несколько раздраженном тоне: извини, я просто спросила, я же не знала
ну вот, теперь ты знаешь

* * *

Язз решила: хотя Кортни довольно невежественна в отношении других культур, она показала характер и нахальство, а это прямой путь в общество «К нам не подходи на пушечный выстрел», где надо резать правду-матку, а не убегать, чуть что, со слезами в туалет, как последняя нюня

Кортни ей понравилась
а значит,
она в команде

и однажды утром, в понедельник, когда они стояли в очереди в туалет после прослушивания курса «Гендер, раса и классы», Язз так ей и сказала, дескать, ты стала почетной сеструхой – термин, придуманный черными женщинами, а позже присвоенный другими (типичная история!)

понятно, Кортни не могла стать настоящей сеструхой, разве что почетной

Язз пояснила: быть сеструхой зависит не только от того, какие мы есть, но еще и какими нас видят, что в принципе бросает вызов всяким упрощениям, ну а то, какие мы есть, отчасти зависит от того, какими нас видят, душа моя

тех, кто ей нравился, Язз в последнее время так называла, в этом не было натянутости или претенциозности, у нее это выходило естественно

в чем загвоздка, Язз продолжила разговор за ланчем, где она ела фасолевый суп (протеин для мозга), а Кортни – мясо с картофельным и гороховым пюре

теперь люди будут на тебя смотреть не просто как на еще одну женщину, а как на белую женщину в компании черных, ты понижишь статус, так что гляди в оба, слыхала, душа моя, такое выражение – «не роняй статус»?

это ты, что ли, с пониженным статусом, дочь профессора и известной театральной режиссерши? посмеялась Кортни; вот я действительно из бедной общины, где обычное дело работать на фабрике с шестнадцати, стать матерью-одиночкой в семнадцать и жить на отцовской ферме, которая заложена в банке

все так, Корт, но я черная, что делает меня более угнетенной, чем нечерные, хуже только Варис, самой угнетенной из всех, но не вздумай ей об этом сказать

она проходит по пяти категориям: черная, мусульманка, женщина, нищая и в хиджабе
вот кому точно нельзя сказать «не роняй статус»

у Кортни находится ответ: а как же Роксана Гей и ее возражения против «привилегированной Олимпиады»? в своей книге «Плохая феминистка» она написала, что привилегии – вещь относительная и контекстуальная, и я с ней согласна, Язз, так можно далеко зайти; что, Обама менее привилегированный, чем какой-нибудь белый подросток, деревенщина, живущий в трейлере, которого воспитывает мать-одиночка, а отец сидит в тюрьме? или страшный инвалид более привилегированный, чем сириец, которого пытали на родине, и он попросил политического убежища? Роксана настаивает на том, что мы нуждаемся в новом дискурсе при обсуждении неравенства

Язз даже растерялась – Корт прочла потрясающую Роксану Гей!
кажется, студентка переплюнула препода!
#белаябабауелачернуюбабу

Кортни добавляет, что ей нравятся исключительно черные мужчины и, скорее всего, у нее будут смешанные дети, так что ее «белый статус» в любом случае пострадает процентов на пятьдесят, даже удивительно, что в наше время и в ее возрасте она не встретила ни одного черного парня, пока не приехала в университет из Дартингфорда, где живут исключительно белые, если не считать трех азиатов

Язз упрекает ее в непоследовательности

непоследовательность, это же здорово, говорит Кортни, это означает, что разговор свободный и интуитивный, а не идет по предсказуемой траектории

тут Язз извиняется и уходит в туалет

4

в конце первого года их знакомства Язз пригласила Кортни в их лондонскую квартиру заранее предупредила, что кто-то из мамино гарема утром может шастать по дому в полуобнаженном виде, а это, уж поверь мне, так себе картинка

до этого Кортни была в Лондоне лишь однажды, однодневная автобусная экскурсия с посещением Букингемского дворца, Трафальгарской площади, Биг-Бена, собора Святого Павла и Тауэра, а затем на поезде обратно в Дартингфорд

они разделили двуспальное ложе и долго болтали, прежде чем уснуть при свете луны, что сделало эту первую ночь особенной для Язз: теплынь, распахнутое окно

перед сном она спросила у Кортни, почему та не приезжала в столицу чаще – ты много потеряла, душа моя

та призналась: мои предки не любят Лондон, они считают его притоном для цветных, террористов-смертников, левых, милашек-обнимашек, геев и польских иммигрантов, которые лишают местных трудяг шанса жить более или менее прилично; отец черпает свои политические взгляды из газет, цитирует их кусками и при этом – забавно, да? – дружит с механиком из деревни, которого зовут Радж, вместе пьют в пабе

когда я называю его лицемером, он все списывает на Раджа, а сам он вроде как *не такой*

передай ему от меня, что без иммигрантов, поднимающих рабочие стандарты, британская экономика просто обвалится; моя мамуля всегда предпочтет поляка-сантехника и поляка-электрика урожденному англичанину

а ему, дорогуша, без разницы, для него все, кого он ненавидит, на одно лицо

интересно будет на него посмотреть, когда я войду в дом с цветным ребенком

Язз показала подруге Пекхэм, Стокуэлл, Брикстон, Стритэм

когда они шли в Брикстоне по Хай-стрит, Кортни сказала, что она сейчас хлопнется в обморок от всех этих выставленных стейков, и не могла оторвать глаз от сочных булок парней со спущенными джинсами и трусами напоказ

Язз заметила, что эти «булки» отвечают ей взаимностью, очень уж соблазнительно выпирала из джинсовой блузки ее молочно-белая грудь

они таращатся не на нее, как это обычно бывает, а на Кортни

другое дело, что ей по фигу эти ребята со спущенными штанами

Кортни в ударе, красавицей ее не назовешь, но сегодня она выглядит неотразимой богиней, а Язз рядом с ней невидимка

белая девушка рядом с черной воспринимается черными мужчинами как своя

Язз бывала здесь в компании белых парней

и сейчас она чувствует себя

пустышкой

они договорились встретиться с Ненет у нее дома в районе Квинсвей
Ненет прислала эсэмэску: «за Гайд-парком ПСС¹⁰»

и вот они подошли к воротам, скрывающим большой особняк, позвонили в колокольчик
и вскоре уже шли по дорожке из хрустящего под ногами гравия

служанка в черной униформе и белом переднике впустила их в холл с мраморным полом,
фонтаном, колоннадами и витой голливудской лестницей, ведущей под купольную крышу

Ненет сбегала по ступенькам им навстречу, держа в руках пушистый комок белого меха
– это моя ши-тцу¹¹, леди Мейзи

вот, можете потискать, с этими словами она бросила им комок

Кортни была только рада, даже зарылась в мех носом и заворковала, какая прелесть, она
привыкла к куда более грубым фермерским животным, подумала Язз, таким как свиньи, и
наверняка ей не раз приходилось засовывать руку коровам в задний проход, чтобы избавить
от запора

сама она не стала притрагиваться к собачке, всегда старалась держаться подальше от тва-
рей, вылизывающих собственную задницу

Ненет устроила им небольшую экскурсию по дому, и это был мрак, с точки зрения Язз,
тот еще *мрак*

Ненет извинилась за некоторую нарочитость материнского вкуса, но ни слова о роскош-
ном образе жизни

ни к чему не прикасайтесь, солдатики!

Кортни явно сочла за честь то, что ее впустили в сей храм

теперь для нее Ненет это «моя подруга, живущая в доме возле Гайд-парка», а для Язз
уже будет невозможно отделить этот шик от прежней Ненет

она вдруг поняла: одно дело знать, что человек из богатой семьи, и другое дело увидеть
это богатство своими глазами

* * *

они вышли погулять в Гайд-парке и прошвырнулись по серпантину в лучах солнца

Язз разглядывала голубое озеро и людей, с удовольствием катавшихся на водных вело-
сипедах и гребных лодках

дорожка, казалось, была задумана для богатых арабов, на парковке стояли автомобили
с открывающимися вверх дверцами и золотыми ступицами, которые могли бы спасти Нацио-
нальную службу здравоохранения

Ненет, в универе обычно ходившая в дизайнерском спортивном костюме, сейчас была в
обтягивающем топе, короткой юбке и туфлях на высоких каблуках. а через плечо сумочка от
«Шанель» на золотой цепочке

язык ее тела менялся при появлении молодых мужчин, которые в восторге ее разгляды-
вали, – еще бы, каскад смолых волос, блестящая смуглая кожа, подтянутые ноги

это ее среда, и она шла как принцесса, поднявшись выше еще на ступеньку

Ненет всегда настаивала на том, что она из Средиземноморья (это забавляло Язз и злило
Варис), что она не черная и даже не африканка, ведь ее предки родились в египетской Алек-
сандрии, на морском побережье

ты африканка, Ненет, орала на нее Варис, признай уже это наконец, и понарошку набра-
сывалась на нее с кулаками, и обе визжали, как шестилетние девчонки

---

¹⁰ ПСС – падаю со смеху (стандартная приписка в электронном письме).

¹¹ Ши-тцу (собачка-хризантема) – одна из древнейших пород.

гулявшие по серпантину игнорировали Язз, для них она слишком темная (да пошли они все)

зато Кортни они откровенно раздевали глазами, как простую горничную
а та от этого балдела, наслаждаясь всеобщим вниманием
Язз не стала ей говорить, за кого ее принимают

* * *

они втроем обсуждали университетские дела, чего не делали в кампусе, но сейчас атмосфера располагала: первый курс позади, впереди долгое лето

Язз и Кортни собирались начать подготовку ко второму курсу с того, чтобы прочесть главные книги, включенные в перечень, ну и, конечно, временная подработка

Варис уже трудится интерном в Вулверхэмптонском благотворительном фонде для бывших правонарушителей

Кортни вот-вот приступит к работе в фермерской лавке «за здоровый образ жизни» в Саффолке, где будет продавать пирожные по десять тысяч фунтов за каждое

Язз устроилась официанткой в хипповый ресторан в Вест-Энде, посещаемый олигархами, знаменитостями и футболистами Премьер-лиги со своими трофейными женами, любовницами и эскортами

она уже пишет заметки в телефоне для будущих мемуаров
и тайком фотографирует посетителей на свой айфон

Ненет, балдевшая от общего внимания, призналась, что не собирается ничего читать для курса «История искусства» – сказать вам кое-что?

и проболталась: а мне не нужно

строго между нами, так что никомуууууу, особенно Варис, я заказываю эссе одному профессору на пенсии

она явно ждала от них восхищения и одобрения

Язз, пребывая в шоке, заметила ей: разве ты не должна вкалывать, как все остальные, чтобы получить степень? вот уж не думала, что ты мухлюешь

какой мухлеж, все этим занимаются

не все, и это в любом случае не оправдание

проснись, Язз, правды тебе никто не скажет, ясно? например, Кадиму степень магистра стоит целого состояния

Язз задумалась, отразится ли на их дружбе этот мухлеж, не говоря уже о ее сильно привилегированном положении; теперь понятно, почему она спокойно отсматривает весь сериал на «Нетфликсе» накануне экзамена и при этом получает пятерку с плюсом за свою курсовую

Ненет была испорченной, ленивой и аморальной принцессой, не желающей играть по правилам и готовой на все ради сохранения своего статуса, даже выйти замуж за того, на кого укажут родители

Язз спрашивала себя, достаточно ли ходить по одним коридорам и быть одной из немногих темнокожих студенток в белом кампусе, чтобы остаться в компании «к нам не подходи на пушечный выстрел» даже на втором году обучения и тем более после университета

Язз трудилась не покладая рук, чтобы обеспечить свое будущее, она должна пробиться на самый верх, но Кортни (а точнее, Роксана Гей) права, и теперь Язз в этом убедились: все определяется статусом – и контекст, и обстоятельства

но даже будь она богатой, все равно бы не мухлевала, она, как и Варис, пойдет на диплом с отличием, чтобы ее не вышвырнули в этот огромный злобный мир с плохими отметками и без

генерального плана на будущее; она говорила со студентами последнего курса непосредственно перед выпуском, и те были в ужасе, не представляя себе дальнейших шагов

ее манит мастерская степень по журналистике, а дальше – в Лондон, где она своя и не надо снимать квартиру, так как можно жить с мамулей

она постоянно пишет в студенческую газету «Nu Vox»¹², и ее колонка «Почему мой профессор не черный?», вдохновленная конференцией в первом семестре, вызвала больше откликов онлайн, чем любая другая в том месяце, и половина из них принадлежала полным невеждам-анонимам, урожденным расистам с двумя извилинами, самым трусливым на свете уродам и троллям-одиночкам

в общем, эта статья сработала на ее репутацию, она стала в кампусе узнаваемым персонажем, чьим мнением интересовалось медиасообщество и, в частности, студенческое радио

в следующем году она постарается публиковаться в профессиональных газетах и продвинутых блогах, а на третьем курсе, когда получит такое право, попробует стать редактором «Nu Vox»

и избраться президентом медиасообщества

уже продумывает стратегию будущей кампании

держитесь, задохлики-узурпаторы, лучше не стойте у нее на пути

она знает, просто не будет, но готова к бою

* * *

Язз мысленно переключается на других членов команды

симпатяга Кортни до поступления в универ была наивной простушкой, но быстро поднаторела в их среде, предпочтя ее типичным студентам Восточной Англии; а команда подобралась та еще:

засранка с гуманитарным уклоном, чья мать – лесбиянка, а отец – гей-интеллектуал
супербогатая обманщица, политически связанная со старой египетской элитой
сомалийка-мусульманка, носящая хиджаб и поднаторевшая в боевых искусствах

Варис, имеющая за плечами такую болезненную семейную историю, из них самая продвинутая, хотя терпеть не может, когда ее начинают жалеть

жизнь обошлась с ней предельно несправедливо, из-за чего она рано повзрослела
точно так же, как разные препоны заставили Язз быстро повзрослеть

но хватит отвлекаться

спектакль «Последняя амазонка из Дагомеи»

начинается.

---

¹² Новый голос (фр.).

Доминик

1

Доминик увидела Нзингу на станции «Виктория» в час пик
ее сшибла накатившая толпа немилосердных лондонских пассажиров, спешащих успеть
на поезд любой ценой

при этом ее сумка открылась, и оттуда вывалилось все от А до Я: паспорт, путеводитель
по Лондону, пенчиковая сумочка, тампоны, камера «Зенит», палмеровский крем для рук, аму-
лет от сглаза, охотничий нож с рукояткой из слоновой кости

Нзинга была несказанно благодарна, когда проходившая мимо Доминик вызвалась ей
помочь, и они вдвоем принялись ползать по полу и собирать все барахло

когда они закончили и Нзинга выпрямилась в полный рост, это было сродни экзотиче-
скому видению

не женщина, а статуэтка с лоснящейся кожей и развевающимися одеждами, скульптурная
лепка лица, сочные губы, ниспадающие до бедер тонкие дреды с вплетенными в них серебря-
ными амулетами и яркими бусинками

Доминик никогда не видела ничего подобного и тут же пригласила незнакомку на
чашечку кофе, не сомневаясь, что та, как любая лесбиянка, скажет «да», а такое подозрение
у нее сразу возникло

они уселись напротив друг дружки в вокзальном кафе, и Нзинга потягивала теплую воду
с долькой лимона, единственный горячий напиток, которого касались ее губы; я не позволяю
себе надругательства над своим телом, сказала она

а параллельно

Доминик пила гранулированный кофе, в котором растворила два пакетика с сахаром,
поглощала один за другим хорошо усвояемые бисквиты, да еще конфетки на десерт, и испыты-
вала угрызения совести: пихает в себя всякую дрянь, иными словами, совершает бесконечные
надругательства над собственным телом

она впервые видела живьем афроамериканку, и Нзингин акцент пробуждал в памяти сен-
сорные наслаждения от теплого кукурузного хлеба, липких ребрышек, супа из стручков бамии,
джамбалайи¹³, листовой капусты, хрустящей, поджаренной, карамели с арахисом и чего-то еще,
о чем она читала в романах афроамериканских женщин

Нзинга впервые посетила Англию, после того как ее отсюда увезли ребенком, а перед
этим совершила паломничество в Гану и провела две недели на исторической родине, посмот-
рела форт Эльмина, где держали пленных африканцев, перед тем как их отправить в Америку
в качестве рабов

гид привел их в темницу, закрыл дверь

в жаркой удушающей темноте он с наглядными подробностями описывал, как почти
тысяча людей теснились в пространстве, рассчитанном максимум на двести, ни удобств, ни
туалета, скудная пища и вода на протяжении трех месяцев

в тот момент на меня навалились четыреста лет рабства, и я не выдержала и разрыдалась,
Доминик, я рыдала и говорила себе: белому человеку еще предстоит за многое ответить

Доминик удержалась от того, чтобы сказать ей: разве одни черные не продавали других
черных в рабство? так что все куда сложнее

---

¹³ Острое креольское блюдо, род испанской паэльи (плова) из риса с ветчиной, креветками и помидорами.

Нзинга ставила срубы на «бабьих участках» в «рас-Соединенных Штатах Америки», где она с пяти лет жила с матерью, которая, когда ей надоел отец Нзинги, порхавший между разными женщинами то в Англии, то в Карибском бассейне, влюбилась по переписке в красавца, бывшего американского военного

ей было всего двадцать два, когда она по глупости бросила квартиру в Лутоне и вместе с маленькой Нзингой и ее братиком Энди приехала в дом на колесах, прописанный в тexasском трейлерном парке, как выяснилось уже на месте

они с братишкой спали на полу рядом с кухней, а ее мать с хахалем бурно предавались любви на двуспальной кровати совсем рядом

он пил самогон с раннего утра до позднего вечера, пока не впадал в ступор, и изредка подрабатывал чем ни попадя

ее мать устроилась на птицефабрике; она, дурочка, верила в то, что сумеет излечить его от пагубной привычки и что детям с ним будет хорошо

но все ее попытки кончались тем, что он ее избивал, и в конце концов она махнула рукой и сама подседа на «травку»

для Нзинги все полетело в тартарары, двум наикам было не до нее с братом

а когда она достигла половой зрелости, случилось неизбежное, и хотя были намеки – неподобающие прикосновения, комментарии, – по молодости лет она это должным образом не истолковала, а позже по слабости не сумела дать отпор

ее лишили девственности, когда мать с братом отправились по магазинам, а она осталась делать домашку

на следующее утро она разрыдалась в школе после урока и призналась во всем учителю, единственному приличному мужчине, которого она знала и который ей всегда говорил, какая она умная девочка

в результате в дело вмешался социальный работник, и вскоре ее с братом взяла на воспитание другая семья

к ним хорошо относились, но не любили

по-настоящему, безоговорочно

в шестнадцать лет Энди пошел в армию и махнул рукой на сестру, которая стала лесбухой, как он ее назвал, однажды застав в постели с партнершей

по счастью, мне хватило ума и трудолюбия, чтобы поступить в Техасский университет Остина, недавно покончивший с сегрегацией, а не в захудалый местный колледж

по окончании университета я поселилась в женской общине, подальше от братишки и от этого *зверя*

когда мать умерла от передоза

мы с братом не общались с ним на похоронах

и потом тоже

Доминик внимала этому чудесному видению, женщине, сумевшей подняться над трагедией страшного детства и достичь такого великолепия, от нее веет теплом и жизненным опытом

люди воспринимали саму Доминик как девушку жесткую и самодостаточную, но рядом с Нзингой она проигрывала по всем статьям, вот где непобедимая мощь, ее энергия заполняла кафе, ее голос пропитывал серое понедельничное утро экзотическим и чувственно-тягучим акцентом

настоящая лесбиянка, сексапильная сеструха, вдохновение, феномен

Доминик хотелось свернуться клубком в ее руках, стать ее домашним зверьком

абсолютно новые ощущения, она была совершенно независимой с тех пор, как покинула родной дом, и вдруг такое преклонение

влюбиться в абсолютно незнакомого человека

в тот же день, когда они сидели в «Крэнксе», ресторане раздельного питания на Лестерской площади, Доминик согласилась с утверждением Нзинги, что история ее взаимоотношений с блондинками есть не что иное, как проявление неприязни к самой себе, и добавила: ты должна себя спросить, сестра: может, мне промыли мозги идеалом белой женщины? может, пора всерьез поработать над черной феминистской повесткой?

а сама задумалась: откуда берется блондинистый стереотип? может, в этом что-то есть? вот и Амма над ней подтрунивала, хотя и без осуждения, так как сама продукт кровосмешения, и партнеры у нее разного цвета кожи

Нзинга, по контрасту, выросла на сегрегированном Юге, но разве это не должно сделать ее скорее за интеграцию, а не против?

Доминик спрашивала себя: может, в результате промывки мозгов белым обществом это у меня проблемы со столь желанной самоидентификацией: я – черная феминистка?

и решила, что Нзинга – светлый ангел, посланный, чтобы помочь ей стать лучшей версией самой себя

Доминик как персональный гид решила показать Нзинге город, чью историю и значные места она знала вдоль и поперек: они прыгали с автобуса на автобус, срезали углы в сложных лабиринтах тоннелей столичной подземки, скользили по проулкам старых кварталов, она ей показала развалины древнеримской стены, притащила на гравиевый пляж Темзы во время отлива, где любители ковыряться в грязи искали археологические реликвии, прочесывала с ней парки, скверы и затерянные площади, часами ходили вдоль каналов от Маленькой Венеции до заболоченного Уолтемстоу, совершили речные круизы до Гринвича и Кью

а ночью заваливались в малозаметные женские клубы

где тешились в темных углах

они переспали в первый же день и потом не пропустили ни одной ночи

это так восхитительно, так возвышенно, завывала Доминик, запустившая все дела и наконец появившаяся на рабочем месте после двухнедельного отсутствия

впервые в жизни, Амма, я по-настоящему влюбилась в потрясающую женщину, желающую меня с позиций внутренней силы, что может показаться странным, но для меня это так ново и так сексуально, она вправе сорвать с меня одежду в любую минуту (что и делает), я же испытываю беспомощность и полную зависимость (что мне нравится), тогда как мои предыдущие любовницы желали меня с позиций слабых, они мною восхищались, а мне это уже неинтересно

между нами, Амс, существует какая-то электростатическая связь, я словно постоянно на подзарядке, мы не можем прожить друг без дружки пяти минут, Нзинга такая мудрая, и, все зная про то, как быть свободной черной женщиной в деспотическом белом мире, она открывает мне глаза не только на это, на всё, можно сказать, что она Алиса, Одри, Анджела и Арета в одном лице, нет, правда, Амс

на что Амма сказала: тот еще фрукт, превратить самую стойкую из нас лесбу во влюбленную без памяти девочку, и когда же ты меня познакомишь с этой Алисой-Одри-Анджелой-Аретой? кстати, а как ее зовут на самом деле?

Синди... но учти, я тебе этого не говорила

Доминик пообещала привести ее на ланч в кафе «Кингз-Кросс», но с жестким условием Нзинги: за столом только цветные женщины и еда исключительно вегетарианская, органическая и свежая

в противном случае она не придет

2

Нзинга и правда всех сразила, едва появившись на пороге квартиры Аммы в Свобоdomии
шесть футов, как минимум, дреды, украшенные деревянными акуабамы – куколками пло-
довитости, красные брючки, узорчатый кремовый кафтан и римские сандалии
вроде постарше их, но при этом как будто без возраста
ее присутствие, как заметила Амма, возымело эффект умаления остальных гостей
до ее прихода они готовы были полюбить Нзингу, потому что любили Доминик, а теперь
им хотелось произвести на нее впечатление
Амме же хотелось, чтобы Нзинга доказала, что она достойна любви их подруги

Нзинга сидела по-турецки на полу в общем кругу в ожидании еды (есть за обеденным
столом слишком провинциально, полагала Амма)

на пластиковую скатерку выложили овощную запеканку, а также сладкий картофель,
салаты и ржаной хлеб

все из бюджетного супермаркета, ничего органического и свежего, но, поди проверь,
после того как все приготовлено, и вообще, как эта новоявленная гостя смеет требовать, чтобы
все исполняли ее прихоти

беседа текла оживленно, Нзинга сразу оказалась в центре внимания и завоевала автори-
тет, который, по мнению Аммы, пока не заслужила, просто выглядела одновременно как опер-
ная дива, жрица вуду и африканская царица

отвечая на внимание, Нзинга держалась дружелюбно и никого из себя не изображала, но в
какой-то момент все испортила, позволив себе несколько презрительный выпад: даже странно,
что столько черных женщин разговаривают так *по-британнски*

кажется, она нас обвиняет в том, что мы ведем себя как белые или, во всяком случае, как
недостаточно черные, подумала Амма; ей уже приходилось сталкиваться с тем, что иностранки
ставят знак равенства между английским акцентом и белизной кожи, и эти намеки на то, что
черным британкам далеко до афроамериканок и африканок и жительниц Вест-Индии, всегда
вызывали у нее желание ответить

кстати, теперь понятнее, почему у Доминик за недолгое время ее отношений с Нзингой
появился легкий американский акцент (ох, подруга!)

но мы ведь все британки, разве нет? парировала она, инстинктивно понимая, что посту-
пает глупо, ввязываясь в этот спор

и тотчас же последовало: черные женщины должны идентифицировать любое проявле-
ние расизма, тем более в нашей же среде, когда мы испытываем презрение к самим себе, а в
результате ополчаемся против собственной расы

да, эта женщина – грозный оппонент, минуту назад от нее шло тепло, а сейчас она радио-
активна

Доминик, которая обычно за словом в карман не лезла, даже не почувствовала, как нарас-
тает напряжение – две альфа-самки вот-вот начнут смертельную схватку

она тихо урчала у возлюбленной под боком

мы должны быть на стреме, Нзинга обращалась ко всем присутствующим, смотревшим
на нее как за гипнотизированные, мы должны десять раз подумать, прежде чем впускать кого-
то в нашу жизнь (тут она перевела взгляд на Амму с откровенной враждебностью), среди нас
есть женщины, призванные нас уничтожить, внутренний расизм, подруги мои, пролезает во
все щели (уже *ее* подруги?)

мы должны проявлять бдительность во всем
(далее хозяйка дома была ей неинтересна)

включая наш язык, продолжила она; вы замечали, что слово «черный» чаще всего про-
износится с негативными коннотациями?

к ужасу Аммы, все закивали, да что это с ними?

а Нзинга заговорила о расовом подтексте выражения «наступить на черный коврик», вме-
сто того чтобы перешагнуть через него, о том, почему не следует носить черные носки (зачем
топтать самих себя?) и пользоваться черными мусорными мешками, поосторожнее с черным
понедельником, черными шарами, черными мыслями, черной магией, черной овцой и черным
сердцем, она принципиально не надевает черные трусики (не хватало еще себя обкакать!), как
странно, что вы не знаете таких простых вещей

все опять кивают, Амма поглядывает на Доминик: она это серьезно? и ты с ней согласна?
но та, похоже, готова поддержать весь этот бред сивой кобылы

зато Амма уже наелась, придется самой отвечать этой бабе, поскольку у остальных мозги
превратились в сплошную кашу

лично я не вижу проблемы, обращается она к ораторше, последний раз я обкакалась в
подгузник

здесь и там слышались смешки, вот и отлично, ей удалось развеять эти чары, а Нзинга
сразу взбеленилась: Амма, сейчас не место дешевым шуточкам, лучше послушай «Спаситель-
ную песню» Боба Марли и постарайся освободиться от ментального рабства

Амма хотела поблагодарить Нзингу за своевременный диагноз «ментальное рабство», но
вместо этого напонила ей, что африканцев стали называть «черными» гораздо позже, чем это
слово появилось в английском языке, поэтому нет никакого смысла в том, чтобы задним чис-
лом объяснять расовые коннотации ежедневным словоупотреблением, и, делая это, ты можешь
довести себя до безумия, а заодно, боюсь, и других

странно, что ты этого не понимаешь

не прошло и минуты, как Нзинга откланялась, а вместе с ней и Доминик

Амма была только рада проводить глазами это чудо-юдо по имени *Синди*

прежняя Доминик на ее месте высказалась бы точно так же

зато нынешняя Доминик ведется на любую хрень в устах этой жрицы вуду
как такое могло произойти?

Амма надеялась, что эта фаза болезни у ее подруги сама собой закончится, когда Нзинга
вернется в Америку

она же рано или поздно вернется?

когда их знойное лето закончилось, Доминик трусоватым голосом сообщила Амме по
телефону, что Нзинга поставила ей ультиматум: или она уезжает с ней в Штаты, или они раз-
бегаются – я не занимаюсь любовью на расстоянии, д'рагуша

Доминик, уехать с этой женщиной будет с твоей стороны чистым безумием, сказала ей
Амма

но та последовала за своей любовью в Америку.

3

Нзинга была непьющей и некурящей, вегетарианской радикально-сепаратисткой и фемин-
истско-лесбийской подрядчицей, которая проживала и сколачивала дома исключительно на
«женской территории» в разных уголках Америки – такая цыганка со строительным уклоном

Доминик была пьющей и курящей одну от другой, распространяла наркоту, радикальная
феминистка-лесбиянка, плотоядный завсегдатай ночных клубов, продюсер женских пьес, жила
в Лондоне

очень скоро она стала непьющей и некурящей, вегетарианкой, феминистко-лесбийской подрядчицей, строящей дома на женской территории под названием «Луна-Призрак», где позволялось селиться только лесбиянкам

другие женщины могли только наносить визиты, а взрослым мужчинам и мальчикам старше десяти лет и это было запрещено

подрядчики строили доступные по цене домики, чтобы заманить молоденьких женщин и таким образом внести свежую струю в стареющую коммуну

деревенский пейзаж «Луны-Призрака» с ее необъятным пространством и уходящей перспективой вдохновлял Доминик после загазованного воздуха, грязных улиц, лихорадочной суеты и жестких границ Лондона, где со страшной быстротой пролетала жизнь, и в этот маскулинный (по выражению Нзинги) столичный водоворот она сразу попала, когда приехала из Бристоля

им двоим выделили сруб на самой окраине, идиллический, от всех изолированный уголок, где они могли схорониться от окружающего мира и жарить себе лепешки в открытой топке впереди открытые поля, а за спиной буковые, березовые и кленовые рощи

в первую ночь Доминик была слишком возбуждена, чтобы уснуть, она сидела на веранде в темноте и слушала незнакомые звуки дикой природы

и Амма пыталась ее лишить всего этого! что это, ревность, как полагает Нзинга? по ее словам, Доминик полностью вверила себя Амме как главному человеку в своей жизни, но та не справилась со своими обязанностями

они были духовными партнершами, никакого секса, а теперь это место заняла Нзинга, ее богиня, единственная и неповторимая, как Амма этого не видела? ее грубость во время ланча была непростительной, как она могла так перевернуть слова Нзинги, которая пыталась всего лишь помочь остальным понять суть расизма?

Нзинга добрая, у нее щедрое сердце

она вошла в жизнь Доминик, когда та была одна-одинешенька и на пороге чего-то совсем другого

она устала продюсировать театральную кампанию, слишком много времени уходило на сочинение заявок на гранты, это давно превратилось в конвейер, а отдача – какие-то жалкие десять процентов

на ее жалобы Амма, в сущности, никак не реагировала и постоянно ей напоминала, что они сильная команда – ты только посмотри, Дом, чего мы с тобой достигли

да, но в глубине души Доминик желала чего-то нового, некоего приключения, хотя не высказывала этого вслух и не представляла, какую это может принять форму

затяжные летние месяцы на острове Лесбос, где она валялась на пляже вместе с сотнями таких же лесбиянок, после семи лет подряд перестали ей казаться такими восхитительными

рабочие отпуска, конечно, приносили радость, но по-настоящему не грели душу, пару раз она съездила в Гайану и поняла, что жить там в открытую как лесбиянка она не сможет, а преподавание английского как второго языка где-то за границей, как это делали многие ее сверстницы, не входило в сферу ее интересов

вот тут-то планета Венера и подкинула ей на станции «Виктория» Нзингу, Великую Любовь, Которая Меняет Мир

в первую неделю их пребывания в общине «Луна-Призрак» их пригласили к Гайе на фуршет; будучи владелицей поместья, она завещала его доверенным лицам с условием, что оно на неограниченный срок останется «женской территорией»

ее дом представлял собой огромное ранчо со сводчатыми потолками, лоскутными покрывалами, скульптурами изгибистых женских тел, фаянсовыми вазами, буколическими картинами и гобеленами ее собственного изготовления
изображений мужчин здесь не наблюдалось
в принципе

гости вышли понаслаждаться теплым вечером, лужайку освещали горящие факелы, воткнутые в землю

из динамиков на веранде доносилось пение – чистое сопрано Джоан Баэз, скорбное контральто Джони Митчелл, густые мелодичные контральто Джоан Арматрейдинг и Трейси Чапмен

а еще пение сверчков, далекое уханье совы, воркующие голоса женщин... Доминик ощущала себя путешественницей во времени, попавшей в волшебную альтернативную реальность
все лица загорелые, здоровые, ничем не омраченные, свидетельствующие о том, что этим женщинам хорошо в одной компании

такое бытие через край счастье казалось Доминик чем-то невероятным, она перемещалась среди этих незнакомок, и они приветствовали ее с неподдельным воодушевлением

что это, особый культ?

она привыкла к сдержанным лондонцам, которые окидывали тебя критическим взглядом, прежде чем решить, стоишь ли ты их потраченного времени

Гайя убрала седые волосы в пучок, кто-то щеголял с косичками, кто-то с короткой стрижкой, а одна черная парочка предпочла простоту брейдов

джинсы и широкие брюки, футболки и просторные рубахи, жилетки и жакеты, комбинезоны и мешковатые платья, никакой косметики и высоких каблучков

они сами варили пиво и делали домашнее вино; некоторые курили сигареты и марихуану, и Доминик тоже была бы не прочь расслабиться, но она давно поклялась Нзинге, что завязала, согласившись с ней, что отравленное тело это признак отравленного сознания

за плечами этих женщин были разные профессии (а некоторые просто домохозяйки) – ремесленницы, шеф-повары, учителя, фермеры, владельцы магазинов, музыкантши, многие давно вышли на пенсию

Доминик так и подмывало узнать о них побольше

Гайя рассказала ей, как она участвовала в войнах за социальное и законодательное признание в пятидесятых и шестидесятых, и в конце концов решила повернуться спиной к мужчинам, хватит с нее этой патриархии

получив в наследство от родителей особняк на Лонг-Айленде, она купила эту ферму
скучает ли она по мужчинам?

несколько, женщины в «Луне-Призраке» могут иногда ссориться, но они живут в гармонии, мы вместе собираемся, обсуждаем проблемы, а если кому-то надо побыть одной, то можно отселиться и подождать, пока страсти остынут; бывает, что раны заживают годами, но однажды прозвучат слова прощения, даже если у тебя останутся шрамы

порой жиличку выселяют с насиженного места за неподобающее поведение, например насилие или кражу; если женщина склоняется к гетеросексуальным отношениям, то она тоже должна покинуть территорию; если же сохраняет celibat, то она вправе остаться; у нас была женщина, поменявшая ориентацию и тайно приводившая в дом мужчин по ночам

однажды ее за этим поймали, и ей пришлось уехать

Доминик заметила хозяйке, что все женщины кажутся ей такими расслабленными, не какие-то бабы с яйцами, как она себе представляла, хотя в этом нет ничего плохого, ее саму порой так называли

здесь нет нужды быть бабой с яйцами, Доминик (какое у тебя чудесное имя), так как у нас нет мужчин, вот почему все кажутся тебе безмятежными, мы можем себе позволить быть такими, какие мы есть, восстанавливать Божественную Женственность, сливаться с Матерью-Землей и защищать ее, делиться нажитым, сообща принимать решения и при этом поддерживать приватность и автономию, врачевать тело и психику с помощью йоги, боевых искусств, прогулок и пробежек, медитации, духовных практик

каждому свое

Доминик свободно болтала, непринужденно прохаживаясь среди женщин, которые ее изумляли не меньше, чем она их; ты – черная британка, а в наших местах это редкость, они окидывали ее восторженными взглядами

она к этому привыкла и ловила кайф

Нзинга весь вечер просидела на веранде, мрачная, неудивительно, что к ней боялись подступиться, и хотя Доминик ловила на себе мониторящие взгляды, это не мешало ей общаться с гостями и, в частности, с потрясающей индианкой по имени Эстер в облегающем комбинезоне, которая обучала местных жительниц аштанга-йоге и пригласила Доминик на свой шестьдесят пятый день рождения

с удовольствием, пообещала Доминик и сделала Эстер комплимент, мол, вы отлично выглядите для своего возраста, и тут ее похлопали сзади по плечу

нам пора, сказала Нзинга

как, уже?

они шли домой в темноте по тропинке, разрезающей большое поле, Нзинга впереди освещала путь фонариком, а Доминик радовалась тому, что вырвалась из обыденной лондонской жизни в это ни на что не похожее место – может, будет хипповать не хуже других?

Нзинга какое-то время хранила молчание, а затем объявила, что не нужны им эти собрания, одного достаточно, я здесь, чтобы быть с тобой, а не с ними, хватит с меня этой фейковой дружбы с белыми женщинами и всякими неудачницами, так что, если тебя будут приглашать на теплые беседы, отвечай «нет», это все уловки, чтобы выведать про твою личную жизнь и позже использовать против тебя

помни, мы сюда приехали работать, а стирая границы, только запутаемся, и не верь всей этой хрени про Землю-Мать, я достаточно пожила в женских общинах и знаю, что эти ведьмы такие же злобные, как все остальные

но тогда почему мы здесь, если ты их так критически оцениваешь? спросила Доминик потому что я не хочу жить в мужском мире

они продолжали идти и разговаривать, под ногами похрустывали мелкие камешки со мной ты в безопасности, заверила ее Нзинга, хотя она никакой опасности не ощущала со мной ты будешь полноценной... а сейчас она, что ли, неполноценная?

со мной ты дома, потому что дом это не место, а человек

Нзинга обдумывала идею дать Доминик новое имя – Соджорнер¹⁴, устроить ей феминистское крещение в честь активистки из далекого прошлого, она решила таким образом преподнести подруге немного Истории в горшочке, хотя та и без нее знала достаточно про легендарную аболиционистку, как любая уважающая себя черная феминистка

но на всякий случай ее просветили

это будет рождением твоего нового «я» с достойным именем, не чета женственному «Доминик»

---

¹⁴ Соджорнер Трут (1797–1883) – отпущенная на свободу рабыня с глубокими религиозными убеждениями. Активно боролась за отмену рабства. Sojourner – говорящее имя, «временный житель».

мне нравится мое имя
можешь его оставить, а я буду тебя называть Соджорнер, дорогая

Доминик решила, пусть называет меня как хочет, но на дурацкое Соджорнер и ни на какое другое имя я откликаться не стану, Нзинга ведет себя странновато, может, Амма была права, когда предупреждала ее: не уезжай в Америку с этой женщиной, ты еще пожалеешь

из темноты вынырнул огонек на террасе их сруба; ночь не страшна, когда ты живешь на территории женщин, сказала Нзинга

насильникам и серийным убийцам не надо быть семи пядей во лбу, чтобы перелезть даже через высокий забор, подумала Доминик

они зажгли свечи в спальне и предались любовным утехам, которые, по словам Нзинги, свидетельствовали об их глубокой связи, с чем Доминик согласилась, нет ничего лучше такого секса, Нзинга в основном ее обихаживала, и ей это нравилось, в отличие от полного сексуального равноправия в прошлом – сейчас оно ей казалось неудовлетворительным, хотя тогда она этого не понимала

после утех, лежа в объятиях подруги, Доминик чувствовала себя завершенной или, во всяком случае, более завершенной

глядя на низкие деревянные стропила, Нзинга сказала подруге: теперь, когда стало ясно, что они проведут всю жизнь вместе, Доминик заслужила право узнать больше о ее прежних увлечениях, начиная с Роз, ее первой партнерши

такое заявление показалось Доминик преждевременным
вся жизнь – слишком длинная дорога, уходящая в неведомое будущее
нам нет и тридцати
мы еще совсем молоденькие, Нзинга
хотелось ответить подруге

Нзинга познакомилась с Роз на «женской территории» в Орегоне и сразу решила, что это любовь на всю жизнь – белая, старше ее, она быстро доказала ей, что женщины счастливее без мужчин

Роз строила все, от садовых беседок и домиков на деревьях до срубов, сараев и больших домов, а Нзингу определили ей в ученицы

первые несколько лет она чувствовала себя желанной, благословленной свыше

чем не идиллия, днем вместе работаем, ночью любимся, пока она не поняла, что Роз записная алкоголичка, умело это скрывающая: Нзинга случайно наткнулась на припрятанный запас джина, который та употребляла по ночам, пока она спала

после первого же откровенного разговора все пошло прахом

они устраивали разборки, сначала словесные, а потом и физические, вдребезги разбивались украшения, переворачивалась мебель, срывались занавески, трескали оконные стекла, а однажды Роз увезли в госпиталь – небольшой перелом и ушибы головы, ничего серьезного, угрожающего жизни

женская коммуна (белая, естественно) обвинила Нзингу во всех смертных грехах и указала ей на дверь

такая бездушная операция: после того как она собрала все вещи в один рюкзак, ее сопровождали до ворот и выставили на улицу

эта несправедливость мучила ее годами

Нзинга скиталась по разным женским коммунам на Восточном побережье, эмоционально восстановилась, завела несколько романов, но все они плохо заканчивались, стоило только ее

партнершам проявить свою истинную сущность, и решила искать настоящую сестру по духу, на что ушли годы

мне пришлось отправиться в далекий Лондон, чтобы найти ее,
тебя, Соджорнер

Нзинга повернулась к Доминик на соседней подушке и сжала ее лицо своими сильными ручищами

видишь, я тебе открылась, и давай договоримся, что отныне у нас не будет тайн друг от друга, я хочу все знать про тебя, а ты будешь все знать про меня
о'кей?

Доминик кивнула, отдавая себе отчет в том, что в таких железных тисках отрицательно помотать головой практически невозможно, это уже не теплые романтические прикосновения, а грубое насилие

ты меня любишь?

как никогда, честно призналась Доминик, восхищаясь, с какой честностью и силой ее подруга преодолевает суровые испытания

она была благодарна за то, что такая женщина сделала ее своей избранницей

или, говоря словами Нзинги,

любовь сделала их своими избранницами

4

прошло всего несколько месяцев, а избравшая их любовь уже переживала бурные периоды

Доминик еще никогда не выясняла отношения с таким размахом и даже всерьез задумалась в правдивости истории о том, как Нзинга разорвала отношения с Роз

она всегда считала себя безгрешной

твоя проблема, Соджорнер, говорила она, заключается в том, что ты привыкла быть ведущей, а не ведомой, но хочу тебе напомнить, что ты моя ученица – в строительстве, в образе жизни радикальной сепаратистки и феминистки-лесбиянки, в умении держаться на расстоянии от неприятеля, в избегании химических токсинов, в привычке жить на земле и от земли, а если ты будешь со мной воевать по каждому поводу, то у нас с тобой ничего не получится

это с каких же пор наш любовный роман превратился в ученичество? значит, я уже не лидер?

разве это твое органичное состояние? – парировала Нзинга, зачастую посреди ночи, когда Доминик отчаянно хотелось спать после многочасовых разборок, и стоило ей только задремать, как подруга начинала ее тормошить, чтобы высказать те же доводы

может, пора уже расстаться с образом крутой девчонки и просто *быть*?

разобраться в том, какая ты в глубине души?

позволить себе роскошь, чтобы заботу о тебе полностью взяла на себя *другая*?

в голове у Доминик все смешалось, Нзинга была по-прежнему бесподобной, предметом ее вожделения, той, которая желала ей самого лучшего и которая ее спасла от лондонской тяготы

о чем ей частенько напоминали

когда все шло гладко, Доминик казалось, что эта любовь продлится вечно

когда же все шло наперекосяк, она спрашивала себя: что я делаю рядом с человеком, стремящимся подчинить себе мою жизнь до мелочей, в том числе мое сознание?

почему Нзинга считает, что если я ее люблю, то должна пожертвовать своей независимостью и полностью ей подчиниться?

чем это отличается от мужского шовинизма?

она себе казалась измененной версией прежней Доминик с затуманенным мозгом, обостренными чувствами и первобытными эмоциями

ей по-прежнему нравился страстный секс – летом, прямо в поле, беззаботно голые в жару, не боящиеся, что их сейчас накроют, Нзинга это называла «твое сексуальное раскрепощение», как будто до их знакомства она была страшно закрепошена

Доминик старалась пропускать это мимо ушей

ей хотелось обсудить положение дел с другими, в первую очередь с Аммой, или хотя бы с женщинами в «Луне-Призраке», ей нужен был здравый совет, но, увы, Нзинга держала всех на расстоянии и устраивала скандалы, если Доминик начинала кого-то обхаживать во время рабочего процесса

в конце концов она решила, что оно того не стоит, Амма не ответила на три ее письма, притом что ее собственная родня откликнулась

неужто Амма до сих пор дует на нее из-за того, что она бросила ее и их театр?

однажды она заговорила о том, что хорошо бы ей позвонить с городской почты, так после этого Нзинга на несколько дней впала в депрессию

дескать, это знак того, что Доминик ее отвергла

на этой теме был поставлен крест.

5

До приезда в «Луну-Призрак» Доминик наивно думала о домостроительстве в романтических терминах, представляя себе, как ее всеми обожаемое долговязое стройное тело станет еще более гармоничным, гибким и сильным, что задумано самой природой, как она будет трудиться на воздухе, получая удовольствие от физических нагрузок и дружеской атмосферы, как будет покрываться потом и пылью и мечтать о душе в конце дня и о здоровом ужине

труд будет простым, активным и жизнеутверждающим

на деле все оказалось несколько иначе

никогда не поднимавшая груза тяжелее, чем театральный реквизит, она только сейчас поняла, насколько изнурителен восьмичасовой ручной труд, все мышцы ныли, восстановиться не успевала, гладкие изящные руки покрывались волдырями, царапинами и мозолями, несмотря на рабочие перчатки, а каска не защищала лицо от палящего солнца

она представила себе свое будущее: без пяти минут инвалид, вся в мозолях, с морщинистым лицом, как у старого рыбака

Доминик решила, что не годится для такой работы, в отличие от ее товаров, включая Нзингу, похожих на каменные утесы

вот бой-бабы, не то что она, и даже если она раньше себе такой казалась (хотя старалась избегать категоризации), теперь-то ясно, что британские бой-бабы американским не чета

рядом с ними она чувствовала себя такой женственной

в начале второй трудовой недели она отказалась утром вставать, сославшись на перелом позвоночника, да, у меня, похоже, перелом позвоночника, повторяла она страдальческим, скорбным голосом, со слезами на глазах, пока Нзинга не пообещала ей более легкую работу – я же должна приглядывать за своей маленькой девочкой, правда?

с этого дня Доминик выполняла всякую ерунду: вколотить гвоздь, приклеить изоляцию к деревянной панели, покрасить, задекорировать, ну и подать кофе и бутерброды несколько раз в день

Нзинга сама прибирала в доме, чтобы не осталось ни одной соринки

Доминик не возражала, поскольку ее собственная идея домашней уборки ограничивалась тем, чтобы помахать метелкой для пыли

Нзинга также сама готовила, ибо только она понимала правильные пропорции питательного баланса для поддержания идеального здоровья, и Доминик в принципе не имела ничего против, вот только подруга делала все без соли, на которую наложен был запрет, и без специй, которые, по ее мнению, способствовали излишнему возбуждению желудка и эмоций

прием пищи превратился в настоящее испытание, и при этом надо было еще изображать удовольствие

Нзинга также стирала вручную ее одежду – я твоя рабыня, говорила она, то ли в шутку, то ли всерьез, несмотря на протесты Доминик, которая желала сама отстирывать свои трусики, особенно в пятнах менструальной крови

Доминик уже жалела о том, что позволила подруге все делать в одиночку и принимать решения за нее

ей хотелось самой прибираться в доме, готовить, стирать, заниматься тем, что требует интеллектуальных затрат

ее жизнь стала бесцельной, если не считать необходимость безоговорочно любить Нзингу и все больше подчиняться ей

самые простые вещи вызывали осложнения

разве она виновата в том, что мужчины в городе на нее глазают, когда она появляется в шортах (до колен) и мешковатой футболке (без рукавов)?

то есть ей следует прикрыться, а не выходить «провокативно одетой», в чем ее обвиняет Нзинга?

почему она должна чуть не бриться наголо (притом что у нее густые волнистые волосы, смесь афро и индо)? Нзинга лично обстригает ее парикмахерскими ножницами, которые специально купила для этой цели

почему ей нельзя поболтать с милой пекаркой Тилли, когда она по утрам заходит к ней за свежим хлебом?

потому что женщины, кажущиеся такими милыми, самые пассивно-агрессивные и в конечном счете самые опасные, в любой момент они могут встать между нами, неужели ты не понимаешь, что все так и горит желанием саботировать нашу великую любовь?

а почему она не может читать книги авторов-мужчин, которые принесла из городской библиотеки?

Соджорнер, нельзя вести женский образ жизни, когда у тебя в голове звучат мужские голоса

но это неразумно, ты слишком далеко зашла

слушай, заткни уже свой рот

они сидели на постели, в глубокой ночи, и Нзинга снова часами напролет разглагольствовала о своих прошлых подругах, сейчас она подняла эту тему, дабы убедить Доминик в том, что они были не более чем игрушками и ровным счетом ничего для нее не значили

Доминик устала повторять: прошлые подруги ничем не угрожают их нынешним отношениям, ее любовь к некоторым девушкам не идет ни в какое сравнение с тем, что она испытывает к Нзинге, вот только не понимала, что сам факт признания какой-то любви к бывшим категорически неприемлем

ей хотелось свалить отсюда, поспать в другом месте, хоть на крыльце, только бы не слышать этот монотонный голос, но нет, невозможно, Нзинга последует за ней и будет продолжать, иногда до рассвета

это всё были белые женщины, не способные на долгие отношения

я их первая бросала; и тут она не врала, Нзинга по натуре была из тех, кто сама бросает, не дожидаясь, когда бросят ее

это я к чему? только черная женщина способна по-настоящему любить черную женщину
о'кей, сдаюсь, я с тобой согласна, давай погасим свет и хоть немного поспим
я не хочу, чтобы ты сдавалась, мне важно, чтобы ты менялась, чтобы ты поняла мои
доводы на глубинном уровне и приняла их как истину

6

Прошел год, как Доминик приехала в «Луну-Призрак», когда однажды под вечер раздался стук в дверь

Нзинга готовила, а Доминик лежала на диване и тупо смотрела на проплывающие облака и вот уже перед ней стоит Амма, которая счастлива ее видеть
офигеть, вскричала Доминик, и они слились в объятии

ты заставила меня поволноваться, Дом, одна открытка, что ты добралась, – и всё, перестала отвечать на мои письма

какие письма? хотела спросить Доминик, но тут за ее спиной выросла Нзинга: зачем ты пригласила к нам *эту*?

я не приглашала, ответила она, морщась, но разве не здорово, что Амма здесь?

ничего не сказав, Нзинга снова ушла на кухню

нисколько не обескураженная такой грубостью, Амма принялась ходить по гостиной свободной планировки и разглядывать ее так, словно ждала увидеть трупы, подвешенные к стропилам на крюках для мясных туш

потом бросила на пол рюкзак и плюхнулась на диван – я умираю от жары, Дом, скорей плесни мне тоника со льдом и можешь добавить водочки, ты же знаешь правила игры

пришлось ей объяснять, что в этом доме алкоголь не употребляют, поэтому Доминик плеснула ей фильтрованной воды из кувшина

это с каких таких пор? молча поинтересовалась Амма, удивленно подняв брови

Нзинга сделала все, чтобы повисла гнетущая атмосфера; она молча приготовила густое рагу из бобов и грибов с добавлением чеснока и подала на стол вместе с хлебом из непросеянной муки

они уселись на деревянных лавках друг напротив друга

Нзинга ела, уставившись в тарелку; Доминик видела, что Амма ест через силу это примитивное варево, она попросила соли, но соль в доме не водилась

к этому времени Доминик уже привыкла к диетической пище, аппетит забыл о прежних пристрастиях и приспособился к новым реалиям

она расспрашивала старую подругу об общих друзьях, жадная до сплетен, и старалась не показывать, как она по ним соскучилась и как сожалеет, что их оставила

Амма задала несколько встречных вопросов про жизнь в «Луне-Призраке»

и узнала, что они трудятся на стройке пять дней в неделю, иногда шесть, а вечера проводят дома, падая от усталости, Нзинга пускается в рассказы, которые продолжаются далеко за полночь, по выходным шопинг и прогулки, у них есть огород, требующий ухода, они читают книжки – только женских авторов, само собой, и предпочтительно феминисток, иногда смотрят в городе кино, а если оно оскорбляет их чувства, то встают и уходят из зала

Доминик хотела добавить: вот и мы, Амма, сто лет назад вместе шастали по киношкам, но если фильм оскорблял наши чувства, то мы уходили со скандалом; но она сдержалась, чтобы не раздражать Нзингу, еще обвинит ее в том, что она раздувает старые истории, а на самом деле они с Аммой уходили по-тихому

Доминик продолжала отвечать на вопросы: нет, с другими женщинами они не общаются, предпочитают не ввязываться, и да, здесь тихо, им нравится, все идеально, просто идеально

Доминик произносила это в смущении, ее жизнь должна была казаться ужасно жалкой и пуританской, лишенной всего того, что у нее было в Лондоне – нескончаемые драмы отношений, сцены из женской жизни, взлеты и падения, связанные с управлением театральной компанией, сам город, политика, демонстрации против Маргарет Тэтчер, протесты против статьи 28¹⁵, марши «Потребуем ночь назад»¹⁶, выходные возле Гринэм-коммон¹⁷, их друзья-отморозки, вовлеченные в преступные схемы с использованием «потерянных» чековых книжек, а еще они прокладывали пластиковые сумки серебряной фольгой, чтобы на выходе из магазина не прозвучала сигнализация, перемахивали через турникеты в метро и, как правило, проезжали на красный свет

кажется, это было так давно и где-то далеко-далеко
год с Нзингой прошел без регулярных отчетов, а то бы Амма отчитала ее как следует
для Доминик она была звуковым резонатором, преподобной матерью, опорой номер один

Нзинга, только все доев, подняла глаза – я иду спать; она взяла в руки фаянсовую глубокую тарелку, направилась к железной раковине и неожиданно швырнула в нее тарелку с такой силой, что та разлетелась на мелкие осколки

она устремилась мимо гостыи в спальню – Соджорнер, ты идешь?

Соджорнер это кто? – поинтересовалась Амма, а Доминик уже вскочила из-за стола
ничего не ответила, только молча ушла в спальню
а было всего-то семь вечера

на следующее утро Доминик улучила минутку, пока Нзинга принимала душ, и присела на ступеньки крыльца рядом с подругой

душ у нее занимает десять минут (Доминик нервно поглядывала в сторону ванной), и от этого ритуала она не откажется даже при гостях

Амма предложила прогуляться подальше от сумасшедшего дома, но Доминик сказала: лучше здесь, а то Нзинга что-нибудь заподозрит
например?

7

перед ними простиралось ярко-зеленое ржаное поле до самой границы женских владений
вдали просматривался сосновый лес, а над головой голубели небеса, ни одного облачка

Доминик с гордостью демонстрировала этот прекрасный вид подруге, отлично знавшей, что лондонская квартира Дом выходила окнами на паб с почерневшими стенами и рыгающими во время дождя водопроводными трубами

ну согласись, что я сделала правильный выбор по крайней мере в одном отношении – райский вид, правда?

в ответ Амма пробурчала что-то вроде «место правильное, в отличие от спутницы» и пожаловалась на кошмарный «кофе из одуванчиков», теперь у нее от нехватки кофеина разболелась голова, не помогли даже таблетки, а когда она их за завтраком достала из пластиковой упаковки, Нзинга обрушилась на нее с обвинениями в том, что она пронесла в ее дом наркотики

это были ее первые слова, обращенные ко мне, Дом

---

¹⁵ Поправка в правительственный закон 1986 года, запрещающий местным властям продвигать или поощрять гомосексуализм.

¹⁶ В 1990-е годы движение в Англии за право женщин свободно появляться ночью в общественных местах.

¹⁷ Военно-воздушная база близ Ньюбери, графство Беркшир, где до 1989 года размещались американские крылатые ракеты. У базы постоянно дежурили женщины-демонстранты из организации «Женщины за мир».

они минутку помолчали, впитывая в себя сказанное, и Доминик подумала, что сейчас можно ждать выпада от подруги

и та ее не разочаровала: ты попала под чары злого духа по имени Синди, пора бы тебе знать, что такие гуру держат под ногтем своих последователей, отрывая их от семьи, друзей, коллег, соседей, любого, кто может вмешаться и сказать: эй, что тут происходит?

я организую спасательную операцию, Дом, пришлю из Лондона боевую команду, специальный авиадесант, который умыкнет тебя из-под носа у сумасшедшей охреневшей Синди

Амма рассмеялась, но Доминик сохраняла серьезность

Амс, я пытаюсь вести новую жизнь, быть другим человеком, она показывает мне, как стать истинной женщиной, мужская энергетика губительна, патриархия вызывает рознь, она насильственна и авторитарна, женоненавистничество сидит у них в подкорке, поэтому неудивительно, что мы отрекаемся от них навсегда, а здесь место особенное, ты чувствуешь, что вырвалась из-под ежедневного мужского гнета

тебе же всегда нравились мужчины, Дом, включая тех, что нас окружали, мы знаем, что такое патриархия (кстати, спасибо, что еще раз мне это разъяснила), но они тоже личности, разве нет? ты же никогда не была мужененавистницей, что с тобой произошло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.